

Виктор Бондарчук

ОПЕР.
или
В городе
Н. Шенском

МИЛИЦИЯ

о 1330

Виктор Бондарчук

ОПЕР, или В городе нашенском

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16856112

ISBN 9785447441586

Аннотация

Молодой человек Николай Сидоров вступил в самостоятельную жизнь одновременно со страной, глобально перестраивающейся, переходящей от одного политического строя к другому. За спиной школа милиции и должность оперативника в районном отделении милиции. Но Николай оказался по другую сторону закона. Он замешан в самом махровом криминале, несущем несчастья людям. В романе описаны реальные события. И люди, которые получили реальные тюремные сроки, от шести лет и более, в далекой Австралии.

Содержание

А начиналось всё так...	5
Первое дело, первый успех	15
Громкое убийство	30
Загранкомандировка	37
Красавица-студентка	51
Мы не пара	73
Желанный, но бедный	78
Поиск информации	140
Конец ознакомительного фрагмента.	155

ОПЕР, или В городе нашенском Виктор Бондарчук

© Виктор Бондарчук, 2015

© Михаил Кулешов, дизайн обложки, 2015

Редактор Наталья Николаевна Бриз

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А начиналось всё так...

Я Николай Сидоров, мне двадцать три года. Полгода назад окончил школу милиции и вот теперь прохожу службу оперативником на далекой окраине, в зачуханном отделении милиции своего родного города. Скажу сразу, мне не очень нравится моя фамилия. Она всегда на слуху, сами понимаете: Иванов, Петров, Сидоров. По дворовой логике меня должны прозвать Сидором, ан нет. Для своих пацанов я Никола. Почему – не знаю, а точнее, не вникаю. У всех моих друзей и знакомых есть клички, по уголовному «погонялы». У кого лучше, у кого хуже. Я на этом не циклюсь. Меня уважают, да и делаю всё правильно. Вот только с милицейской службой, кажется, погорячился. А что было делать, если меня с первым разрядом по боксу и совсем не уверенными знаниями по всем предметам брали только в школу милиции. Сам-то я мечтал об универе, хотел поступить на юридический факультет. Вот и думалось, что после окончания милицейской школы продолжу своё образование. Но не получилось. Диплом у меня весь в четверках, а учеба откладывается на долгих три года.

Сегодня я прекрасно понимаю, что мое безволие, неспособность настоять на своём привели меня туда, где я и нахожусь. Опять же, родители есть родители, они хотят лучшей доли для сына, и очень трудно сопротивляться их диктату.

Ведь с самого раннего детства тобой руководят, и ты как послушный ребенок подчиняешься воле родителей. Взрослея, я открываю в себе всё новые и новые качества и, в основном, не очень хорошие. Слава Богу, что я это понимаю и стараюсь по мере сил и возможностей от них избавляться. Теперь больше полагаюсь на себя и на свою голову, а это уже неплохо.

В нашей семье главная командирша – мама. Семья, кстати, у нас полная и благополучная. Вот только папочка немного подкачал, по мнению мамы. Он музыкант, преподает музыке в институте искусств. Он всегда спокоен, никогда не ругается с мамой и не кричит на меня. Вот он был категорически против бокса. Мама на его возражения привела веский аргумент – в семье интеллигентов должен вырасти настоящий мужчина. Сказала так, что дебаты по этому вопросу закончились, не начинаясь. Меня, разумеется, никто и не спрашивал. Мама, Оксана Владимировна, гуманитарий, по профессии филолог, чем-то руководит в районо. Её слово в нашей семье – главное и решающее. И вот с двенадцати лет я занимаюсь боксом в Центральном Доме Физкультуры. Эти тренировки мне совсем не нравились ни тогда, ни сейчас. Занимался ни шатко, ни валко в надежде, что с окончанием школы закончатся мои занятия этим зверским видом спорта, но не тут-то было. Когда выяснилось, что со своими знаниями я не попадаю ни в одно более-менее приличное учебное заведение, мама как всегда проявила врожденную решитель-

ность и твердость. Она поклялась руководству милицейской школы, что я ее прослаблю своими спортивными успехами по части бокса. И я стал курсантом. Большой славы за годы обучения я этому учебному заведению не принес, но мастером спорта стал. И совсем не по собственной инициативе, а из-за наличия в школе талантливого тренера Никанорыча. Тот очень сокрушался после моего выпуска, что уже не сможет влиять на меня, а значит, я не стану чемпионом мира по боксу никогда. Но меня это нисколько не огорчало. Не люблю бить людей, имея к этому талант. За все годы, проведенные в спортзале и на ринге, очень тщательно отрабатывал приёмы защиты. Тренер ругал за тупую инициативу, восхищался моими ударами с обеих рук. А я с удовлетворением отмечал, что нос до сих пор у меня не сломан, и по лицу совсем не видно, что я, в общем-то, профессиональный боец.

Школа милиции закончена. И по спортивному благу я оказался в заштатном отделении милиции, в должности оперативника. Могло всё быть и хуже, не случись этого самого блага, мог бы загреметь по распределению в какую-нибудь тьмутаракань. И тогда прощай, родной город, который люблю, без которого не мыслю своего существования. Сказано высокопарно, но в целом верно. Теперь я валяю дурака, так сказать, стажируюсь. Какой спрос с молодого и неопытного опера, совсем не инициативного, абсолютно не мечтающего ни о какой мало-мальской карьере.

Наше отделение расположено в пристройке обыкновенно-

го жилого дома. С виду выглядит вполне прилично. Открываешь мощную стальную дверь и оказываешься в тамбуре два на два метра. Справа – окошечко дежурного, а за его спиной комната квадратов на тридцать, в которой обычно находятся наши сержанты. Это помещение – их вотчина. Они в ней коротают рабочее время днём – за чашкой кофе, ближе к вечеру и во время ночных дежурств – за рюмкой горячительного. Мне лично кажется, что они «поддаты» всегда. Их у нас семь человек, они самые главные в районе. Крышевание, наезды, разборки и все прочее в таком же ключе происходит под их непосредственным контролем. Я уже пару раз приглашался на рюмку водки и вежливо отказывался. Скорее всего, я представляю интерес, как неплохой боксер. Крутые кулаки для них не лишние, хотя они и сами парни не хилые, все пришли работать в милицию из десанта и морской пехоты. И в этой своей комнате они постоянно «молотят грушу». На мой свежий взгляд, их служба сродни бизнесу. И я совсем не удивлюсь, если парни окажутся очень состоятельными людьми. Но на данный момент они очень скромны. Не козыряют ни стильной одеждой, ни крутыми личными машинами. В общем, сержантский состав нашего отделения, а рядовых-то у нас нет – самое боевое и мобильное подразделение.

Из тамбура проходишь в так называемую прихожую, из которой крутые ступеньки, скопированные, наверное, с корабельного трапа, ведут на второй этаж. И над этим кру-

тым трапом почему-то никогда нет света. Так что пробираешься почти на ощупь. А вот коридор второго этажа и длинный, и широкий, и в меру освещенный. Первая дверь направо – кабинет начальника отделения майора Кизленко. Там у него просторная приёмная, и такой же просторный кабинет. Роскоши особой нет, но на милицейский он тоже не похож. Смахивает на небольшой офис процветающей строительной компании. Довелось мне в своё время в таком побывать. У начальника я был всего один раз, когда представлялся при приёме на работу. За его кабинетом идут апартаменты зама. Сам кабинетик значительно меньше, но обставлен тоже неплохо. А вот приёмная, он называет ее комнатой совещаний, большая и светлая. Оно и понятно, майор Витрук проводит в ней все организационные мероприятия, которых, кстати, совсем не много. С этими двумя я не пересекаюсь, чем конкретно они занимаются, не знаю.

По этой же правой стороне заседает начальник следственно-отделения, тучная женщина лет сорока, Надежда Петровна. Она подполковник, но всегда ходит в гражданском. Надежда Петровна – мой непосредственный начальник, хотя я получаю задания от старшего следователя капитана Семёновой. Эта тридцатипятилетняя женщина приятна во всех отношениях. Она – луч света в ментовском царстве. Не красавица, но очень даже симпатичная брюнетка, облаченная всегда в мундир, который откровенно подчеркивает ее роскошную фигуру. Говорят, она верная супруга и добродетельная

мать десятилетней дочери. У Надежды Петровны кабинет по-армейски прост. Стол, два стула и жесткий диванчик, на который едва могут пристроиться три человека, допотопный сейф и мощный двустворчатый шкаф от потолка до пола.

А вот комнату, где заседает старшая следовательша с ещё пятью сотрудницами, стоит отметить особо. Когда я захожу в этот кабинет, мне сразу вспоминаются первые фильмы «Ментов». Неуютность, теснотища, конторские полумягкие стулья с продавленными сидениями. Как умудрились разместить здесь шесть столов – уму непостижимо. Но практика показывает: захочешь – сделаешь. Стол капитана Семёновой на самом комфортном месте – у зарешеченного окна. Для полутёмного помещения, выходящего окном на северную сторону, преимущество неоспоримое. Единственная вещь в этом убогом помещении, которая радует глаза своим иностранным происхождением и дизайном – магнитофон «Шарп». Но я никогда не видел работающим это чудо японской техники. Есть ещё кабинет оперативников, похожий на этот, в котором я имею только полку в настенном шкафу. Личный стол и стул мне пока, видно, не положены. Есть кабинеты участковых, прокурора, криминалиста. Но я там не бываю, и, скорее всего, это точные копии кабинетов младшего милицейского начальства. Всё никак не могу пересечься с участковыми, пообщаться. Их работа меня привлекает, прежде всего, почти полной независимостью. Как говорится, сам себе велосипед. Не зря многие

участковые ходят в майорах, годами не меняют работу, совсем не желая повышения ни в должностях, ни в званиях. Попробую со временем перебраться на участок.

Вот, в принципе, и всё, что представляет наше отделение милиции внешне и изнутри. Ещё забыл про два помещения для задержанных. Одно – на втором этаже в конце коридора, оно обычно пусто, а другое – на первом, напротив дежурки. Небольшие комнатки: три на три, отгороженные от внешнего мира стальными мощными дверями.

Первое дело, на которое я выехал стажёром в составе опергруппы, – угон древней иномарки из кооперативного гаража. Мы подъехали к гаражу вместе с потерпевшим, мужиком лет сорока, который был очень расстроен и возлагал на нас большие надежды. Но, собственно, зря. Криминалист вяло осмотрел замки. Попытался, а может, даже и снял отпечатки с очков, выброшенных из угнанной машины. Затем профессионально и быстро снял отпечатки пальцев потерпевшего, мол, ему надо знать, где и чьи на месте преступления. Оперативник Дима, слегка смахивающий фигурой на артиста Нилова, прошёлся по боксам. Не знаю, кого он смог опросить за двадцать минут, тем более в то время, когда народа в гараже практически не было. По-моему разумению, надо бы этим заниматься после шести вечера, в конце рабочего дня. Но это предположение я оставил при себе, нечего лезть с советами к профессионалам. В общем и целом, мы были на месте преступления минут тридцать.

Затем благополучно отбыли в отделение, где прокурор составил протокол и передал дело следователю Шиманович – симпатичной молодой женщине, очень похожую на мою постоянную любовницу и соседку Галочку Зотову. Лицо у этой Шиманович красивое, но выражение его всегда недовольное, с гримаской брезгливости. Подходить и обращаться к ней не очень хочется. Её, кстати, сейчас нет, она в отпуске, и вернется только через месяц, если, конечно, еще не прихватит месячишко за свой счёт по семейным обстоятельствам. Женщина она не только красивая, но и умная. А вот в профессиональном плане – полный ноль. И не потому, что не может – просто не хочет. Живет она недалеко от отделения, и поговаривают, что обеды варит любимому мужу в рабочее время. Застать её в кабинете очень сложно. Выходит, дело об угоне не стоящее, так как его скинули самому последнему следаку. Когда я вышел из отделения, то столкнулся с потерпевшим, который принял меня за крутого опера и попытался выяснить, сможем ли мы найти его машину. Я, конечно, говорил, что положено в таких случаях, убеждал мужика, что всё будет в порядке. Знал бы он, что его машина совсем никого не интересуется. Хотя допускаю мысль, что он догадывался: ведь спросил, почему отдали дело следователю, которая в отпуске. Что я мог на это ответить?.. Пообещал бедолаге всё разузнать через пару дней, выяснить, как говорится, детали. А ещё я узнал от него шокирующую новость: оказывается, это пятый угон из гаражного кооператива «Вым-

пел». Позже я слегка прокачал этот вопрос. Прокурор Константиныч, молодой мордатый парень, склонный к полноте, многозначительно повздыхал, изобразил на лице озабоченность, уверил, что всё вертится, крутится и будет тип-топ. Мужик приходил еще пару раз и даже встретился с красоткой Шиманович. О чём они беседовали, я не знаю, но, говорят, обозвал ее тупой бездельницей. Та, проявив врожденную истеричность, срочно вызвала наряд из дежурки, и два сержанта проводили бывшего автовладельца на улицу. Правда, не отреагировали на просьбу оскорбленной поддать ему как следует. Отреагировать не отреагировали, но что-то мужику посоветовали. Он больше в отделении не появлялся. Дело, можно сказать, благополучно закрыли. Через полгода этот кооператив снова замелькал в оперативных сводках. И всё было бы не так страшно, но потерпевшим оказался сотрудник ФСБ, который сам провёл расследование и указал на возможного исполнителя – члена этого же кооператива, торгующего запчастями. А заодно сбросил в Управу докладную о полной профнепригодности сотрудников нашего отделения. Начальство отреагировало, двум операм дали по строгому выговору, а следователя Шиманович уволили. Все дела по этому кооперативу оказались у неё в производстве. Не помогла ей ни красота, ни сексапильность. Своя-то рубашка у начальства оказалась ближе к телу. Подозреваемого взяли, трое суток трясли конкретно. Применяли, кажется, меры физического воздействия, но всё безрезультат-

но. Парень молчал, как партизан, а с воли бомбил его адвокат. Самое интересное, что в этих мерах физического воздействия не принимали участия сержанты. Как я понимаю, им нет никакого резона ссориться с низовым криминалом района. Машину фээсбэшника так и не нашли. По жалобе теперь уже подозреваемого-потерпевшего, наши ряды покинул замначальника. За методы, которые просто позорят доблестную милицию. Но система своих не сдает, перевели бе-долагу в ГУИН, там такие кадры в цене.

Первое дело, первый успех

Время идет, а новому я не обучился, не настажировался. И вот, молодой и слегка обученный, я получил своё первое самостоятельное дело – квартирная кража. Как бы в назидание подкинули: покрутись, порасследуй, а то больно много вопросов задаёшь, умник.

Двери квартиры вскрыли ключами, забрали много ценного. Хозяева занимались небольшим бизнесом. Кража в этом доме третья по счету. И в предыдущих случаях двери вскрывали ключами, не взламывали. А замки-то стояли во всех дверях фирменные. Два даже израильских, которые абы как не вскрыть. У всех потерпевших были дети, пацаны от двенадцати лет и старше. Скорее всего, кто-то из друзей снял слепки ключей. Я записал всех проходящих в гости к потерпевшим за последние три месяца, поднял протоколы по предыдущим кражам. Определилась компания дворовых пацанов, друзей. Сами-то они не способны на кражу, молоды ещё. А вот слепки ключей кому-то перепродать им вполне по силам.

Первым делом навестил участкового, пожилого старлея, который совсем не зря ел свой хлеб. Он знал об этом доме всё: кто из пацанов «дурью» балуется, кто этой самой «дурью» приторговывает по мелочевке. Он тоже был уверен, что кто-то из малышни работает на домушников. В доме кри-

минала такого уровня нет, в этом он на сто процентов уверен. Надо выйти на эту мелочь пузатую и пообщаться плотно. Ещё участковый сообщил, что тусуются они в подвале многоэтажного дома, приспособленном под спортзал-качалку. Всё легально, всё разрешено. Этот спортзал, скорее всего, ширма для мелких уголовных дел. Придётся навестить этот клуб по интересам, а вот под каким соусом – надо подумать. И через день, взяв в напарники бывшего гребца, а ныне тренера спортшколы Саню Егорова, с виду настоящего бойца в боях без правил, я появился в этой самой «качалке». Довольно просторное помещение, правда, темноватое. Горят всего две лампочки из восьми. Посредине – теннисный стол, в углу – помост с небольшой штангой и пирамидой гантелей. В другом углу – боксерский мешок, почти новый, то ли недавно купили, то ли работают на нём не часто. По периметру – лавки. Теннисный стол уставлен бутылками из-под пива. В помещении накурено конкретно. Когда глаза привыкли к полумраку, разглядел и детали. Гриф штанги ржавый, боксерский мешок подвешен на проволоке. В помещении человек двенадцать, включая двух совсем юных особ. Да и сами пацаны не старше семнадцати. Настороженность сразу прошла, когда мы представились менеджерами боксерского клуба «Буревестник». Ищем спортивных ребят, которые хотели бы выступить в боях без правил за очень хорошие деньги. Питание и тренировки мы обеспечим. Иногда в таких вот «качалках» попадаются настоящие самородки.

Трое ребят, фактически с улицы, сделали себе и имя, и деньги. Пацаны верят, а почему бы и нет. Я показал им «корочки» мастера спорта, а вид Санька сам за себя говорил. В общем, познакомились, пацаны угостили нас пивом. Я продемонстрировал пару ударов, чем привел пацанов просто в щенячий восторг. Да, ещё мешок от третьего удара правым боковым лопнул и совсем не от силы удара, просто нитки сгнили. Не пользуются ребятки снарядом. Заглотив невероятное количество пива, через два часа мы стали своими. Я почти не пил, финансировал это мероприятие. Малолетка-шустрик только и успевал бегать за пивом. Пора было уходить, ничего интересного для себя я не нарыл, пустой пьяный базар. Хотя один экземплярчик интересный был, он смотрел на меня с восхищением, видно мечтал стать крутым бойцом. Вот только с виду он – дохляк дохляком. Подсовываю ему пиво бутылку за бутылкой, рассказываю про бои, в которых якобы участвовал и, конечно, побеждал. У пацана рот не закрывался от восхищения. Ему тоже захотелось чем-нибудь погордиться, чем-то удивить меня. Пиво сделало своё дело. Он заявил, что у него есть улётные «тёлки». Тёлки так тёлки, уходим вместе. У киоска малец еще догоняется пивом. И тут выясняется, что «тёлки» настолько улётные, что с пивом к ним соваться нечего. Они по «кайфу» встречаются. По кайфу так по кайфу. Деньгам моим конец, но интуиция подсказывает, что я на правильном пути.

Обыкновенная квартира, условный стук и два «косячка»

у меня в кармане. Без этого ни любви, ни ласки у козырных дам. Подруги оказались малолетками, тусующимися в грязном до ужаса подвале со сборищем разномастного люда. Есть и очень зрелые экземпляры. Кто-то уходит, кто-то приходит, большая часть народа в движении, меньшая в отключке, витает где-то в своих наркотических грёзах. Олежка меняет свою дозу на порцию подвальной очень быстрой любви и уже через пять минут свободен. Но свобода его удручает, как всякого русского, ему уже жалко своей дозы, использованной так бездарно быстро.

– На фиг нужна мне эта случка, и без неё хорошо бы обошёлся, – пожаловался он мне. Взгляд у пацана тоскливый. Он очень надеется на мой неиспользованный «косячок». Для гарантии я показываю ему эту райскую вещь и предлагаю раскумариться где-нибудь на свежем воздухе. От этого подвала меня затошнило. На лавочке в сквере мальчонка употребил кайф с опытностью наркомана со стажем. И тут его понесло от огромного количества вогнанных в организм кайфовых штукенций. Говорил он без умолку минут тридцать. А наводящие вопросы неотвратимо вели его к полной вербовке. Совсем не зря я выкинул приличную сумму своих кровных денег (завтра придется опять кланяться у родителей на бензин), но зато у меня в кармане такой кадр! Я просто уверен в своей удаче. Чтобы закрепить успех, встречаюсь с Олежкой ещё два раза. В активе три места, где торгуют наркотой, а также условные стуки и контрольные слова.

Сдаю эти точки городским оперативникам по борьбе с наркотиками и предупреждаю, что эти «хаты» – одно из звеньев серьезного дела, которое курирует большое начальство. Парни, конечно, не верят, но не отреагировать боятся. Чем черт не шутит. Я их предупредил, чтобы накладок не вышло. Слышал мимоходом, что все нарко-точки контролируют сами борцы с этим зельем. Через день все три квартиры были разгромлены, а хозяева взяты с поличным.

Не затягивая, провел с Олежкой душевную беседу, по ходу которой он уяснил, что сдал оперативнику, то есть мне, три «хаты», люди из которых арестованы, и шухер идёт по всему району. Заодно навёл и на домушников, которые, правда, еще на свободе, но будут взяты со дня на день. «Леплю» внаглую, всё равно наркоман ничего не помнит. Парнишка чуть в обморок не упал, плачет и стонет, видно представляет, что натворил, и что ему за это будет. Я успокаиваю бедолагу, клянусь, что это всё между нами, я его самый надежный друг.

– Да я за тебя любого по стенке размажу!

Небольшой «косячок» успокоил и расслабил парнишку, ничего страшного не произошло. Он безвольно подписал приготовленную бумагу, проштамповал на ней свои отпечатки пальцев. (Это уже моя самодеятельность, так сказать, для полной гарантии). Я дал первое задание новоиспеченному агенту сыска:

– Ты должен выяснить все детали по квартирным кражам.

Узнай, кому передаются слепки ключей. В общем, чем больше информации, тем легче твоя жизнь. В виде бонуса получишь «дури» немерено. Думаю, что у тебя получится, ты ведь, Олежка, свой среди них. А среди своих какие могут быть секреты!

Моё первое дело обрело, наконец, кое-какие очертания. Но я об этом пока молчу.

Везение просто нечеловеческое, так бывает только в кино. Всего три дня понадобилось Олежке, чтобы проявить свои шпионские способности. (А может, мечта о бонусе подстегнула секретного сотрудника уголовки). Как бы то ни было, в среду парень мне доложил, что это Лёха. С ним толковали Оспа и Кобзя (Оспа в переводе на обычный язык – Саша Корниенко, лицо которого в крупных оспинах, а Кобзя – Женя Кобзев). Их фамилии мелькали во всех эпизодах. Они были частыми гостями в ограбленных квартирах. Лёха проживал раньше в этом доме, он был неформальным лидером местной шпаны. Квартиру родители обменяли на меньшую на другом конце города, и ему пришлось переехать. Как раз после каждого появления Лёхи случались грабежи квартир, а у пацанов сразу появлялись деньги. Ещё Олежка вспомнил, что зимой они ездили отдыхать на турбазу. Лёхина подруга Зинуля Карпова вырядилась в норковую шубку явно не её размера. Больше она в ней никогда не появлялась. А самое главное – эти пацаны были совсем недавно в квартире Кирюши Завьялова. Они сами рассказывали, мол, хотели

у него мопед купить. Выходит, на прицеле квартира Завьяловых? Семья из четырех человек, вполне благополучная. Папа у них какой-то большой военный начальник. Машины каждый год меняет. Значит, в квартире есть, чем поживиться.

В четверг, в восемь утра я занял позицию метрах в тридцати от нужного подъезда. До девяти в основном все уходит на работу, на учёбу, по делам, входящих почти нет. Два часа ничего интересного, а вот в полдвенадцатого появились очень интересные личности на микроавтобусе. В кепочках, надвинутых на самые глаза так, что лиц не рассмотреть, быстро прошли в подъезд. Думаю, что прямо сейчас они не займутся опасной работой. Сегодня, скорее всего, пристрелка, осмотр. На дело лучше идти пораньше, где-то с девяти утра. Парни действительно появились через полчаса, спокойно сели в свой микрик и уехали. Был большой соблазн проследить за ними, но я не уверен, домушники ли это. На всякий случай записал номер машины. Больше за день ничего интересного не произошло.

После шести я возвратился в отделение и попросил Надежду Петровну выделить мне на завтра группу захвата из трёх человек и машину. Не стал вдаваться в подробности, просто пояснил:

– Надо проверить один вариант, возможна квартирная кража. Я там проторчал полных два дня. Есть намётки.

Обговариваю связь с сержантами. У них задача очень простая: сидеть с восьми утра в машине, ждать вызова и никаких

отговорок про УАЗик, который может не завестись в самый ответственный момент.

На следующий день в восемь утра я уже был на рубеже атаки. Жду. Весь в мандраже, по моим подсчётам всё должно произойти сегодня. Суббота и воскресенье – дни, совсем не подходящие для квартирных краж. Да и в милиции работают тоже люди, не будут сильно рыть в выходные. Ждать не долго, они тянуть резину не будут, заявятся, самое позднее, до одиннадцати часов, в самое малолюдное время (так и произошло). Нужная семейка уже на работе. Квартира готова к экспроприации. Главная опасность для домушников – младший из Завьяловых, учащийся техникума: могут отменить занятия, а может и сам паренек просто-напросто прогулять и заявиться домой в самое неподходящее время. Но и этот вариант у домушников предусмотрен. У подъезда трётся знакомая личность из «качалки». Явно парнишу поднапрягли на «шухер». Сегодня я припарковался подальше, не стоит светиться вблизи объекта. У меня мощный бинокль, взял в аренду у любовницы. У неё муж штурман.

К девяти часам многие жильцы разошлись по своим делам, а остальные ещё нежатся в постельках, не спеша, завтракают, смотрят новости. Если не сегодня, то, значит, через два дня, после выходных. А чего, спрашивается, тянуть, денежки-то нужны всегда.

И снова мне везет, всё идет прямо как по учебнику. Знакомый микрик подъехал около девяти и встал напротив подъ-

езда. Минут через десять из него вышли двое, вчерашние знакомые. Не суетясь, опустив головы как можно ниже, прошли в дом. В машине остался ещё один. Малец на «шухере» отошёл к соседнему подъезду, осмотрелся по сторонам. Надо учесть, он в деле по полной.

Управились ребятки за час с небольшим. Споро загрузили в боковую дверь четыре большие сумки и телевизор. Удивительно, но во время погрузки на улице не было ни души, везет же бандюкам. Я решил рискнуть, проводить их до места выгрузки. Вот только сумею ли «выпасти», надеюсь на мощный бинокль и белый цвет автобуса. Не спешу, держусь как можно дальше. Микроавтобус тяжелый, я его легко догоню. На моё не профессиональное счастье, «пасти» долго не пришлось. База у воришек не на квартире, а в громадном гаражном кооперативе, которых по городу больше сотни. Вызываю своих, обещают подъехать ровно через десять минут. Остановил машину недалеко от общих дверей гаража, за которыми скрылся микрик. Открыл капот, пытаюсь изобразить озадаченного водителя, пистолет переложил в карман брюк, предварительно загнав в ствол патрон. Осторожно осматриваю стальную дверь, за которой больше двадцати боксов. Замок хороший, но створки не зафиксированы стальными штырями. Пока не подъехала группа, я

решил приспособить стальной буксирный тросик к мощной скобе-ручке, останется дверь только дернуть. А вот и наш УАЗик. С ходу цепляю к нему трос. Машина ползет

на первой скорости очень медленно, мы вчетвером с пистолетами в руках ждём. Главное, чтобы трос, толщина которого всего-то двенадцать миллиметров, выдержал. Водитель понимает задачу, машину ведет по миллиметру, тянет без рывков. Двери выгнулись дугой и распахнулись. Если бы домушники зафиксировали одну створку, так легко бы не получилось. Вот тебе и если бы да кабы, поздно рассуждать об этом, мы врываемся внутрь.

Автобус стоит у бокса с открытой дверью, перегруз краденого почти закончен. Трое парней не успели даже испугаться, как оказались лицом на бетонном полу. Ни малейшего намёка на сопротивление, да и физически они против нас слабоваты. Кстати, оружия никакого у них не обнаружили, не было даже газовика примитивного. Я запретил их бить, что обычно практикуется при задержании, но с бетонного пола не поднял, пусть в таком положении осознают свой проигрыш, весьма тяжеловесный. Сразу же позвонил следователю (прокурору, поговорить с автором) Константинычу. Он мне нужен для дальнейшей разработки этой банды. Тот прямо почувствовал запах навару, не стал отнекиваться и пообещал, что скоро будет. Обычно на такие подвиги он не способен, предпочитает работу в кабинете. Пока следователь (прокурор) не прибыл, допрашиваю задержанных по одному, в салоне УАЗика.

Задавал ничего не значащие вопросы, инсценировал допрос: мне надо переговорить с каждым наедине, чтобы отве-

сти подозрения от своего агента, пусть потом выясняют, кто Лёху с Зинулей сдал. Олешка для меня ценный кадр, его надо беречь, ведь в нашем районе по вечерам очень даже неспокойно.

Подъехавшему Константинычу передал задержанных и попросил выписать ордер на обыск квартиры Зинули (она живет там, где и прописана). А вот адрес Лёхи я так и не узнал. Вернее, не знаю где он постоянно обитает – дома у родителей, как выяснилось, не живет. Следователь вяло отбрыкивался, мямлил, что оснований пока нет, надо допросить домушников и вот только тогда... Но наконец согласился, заручившись моим словом, что в случае неудачи я всё возьму на себя. Может, повезет, и Лёха окажется у подруги.

В дальнейших мероприятиях я не участвую, на фиг мне лишний раз светиться. Могут опознать и связать моё появление с нагрянувшими крупными неприятностями. Да и детали мне уже неинтересны. Кстати, в квартире у девушки обнаружили три шубки и одну уже раскроенную на кусочки. В рапорте я написал: «... Выехал по анонимному звонку проверить гараж, в котором, якобы собираются преступники. Информация оказалась верной, я вызвал группу захвата и арестовал бандитов. Оказалось, что они только что ограбили квартиру. В ходе допроса задержанные указали имя главаря и адрес квартиры его любовницы, в которой хранятся украденные вещи. Получил санкцию на осмотр жилища

и произвел обыск. Сведения подтвердились».

Надежда Петровна ни одному моему слову не поверила, но и не настаивала на деталях. Только усмехнулась ядовито, мол, если что, не обессудь. Раз раскрыл случайно, по анонимному звонку, то и твоей заслуги здесь нет. Случайность и есть случайность. Её ухмылку я понял чуток позже, когда за это дело объявили благодарность начальнику, поощрили денежной премией Надежду Петровну и следователя (прокурора). Группе захвата добавили по одной лычке, двое стали старшинами. Я попытался намекнуть на свои оперативные расходы, но был в упор не понят. В активе у меня потраченные личные деньги, долг перед агентом. Ведь я ему обещал в награду «дури» немерено. А в душе осталась обида: ну могли бы хоть слово доброе сказать. Вот и очередной минус мой выплыл. Обижаюсь по пустякам, как пацан сопливый. Сколько ещё у меня таких вот минусов наберется-выплывет. Осадок на душе от того, что произошедшее воспринялось в отделении с показным равнодушием, типа, что такого, подумаешь, великое дело сделал. Порядочней отнеслись сержанты, на очередном суточном дежурстве они накрыли роскошный стол с коньяком, сухой колбасой и балыком. А на молчаливый вопрос, который читался в моих глазах, сказали: «Не переживай, не грузись по мелочам. До тебя таких громких дел не раскручивали с нуля. Было, конечно, что-то подобное, но всё по случайности, по звонкам анонимных свидетелей». И порекомендовали мне сыскарьские

таланты сильно не выпячивать, кому, мол, охота отсвечивать на твоём фоне элементарной серостью. В общем, научили уму-разуму. Посидел с ними и выпил с большим удовольствием. Оказывается, я очень равнодушен к коньяку. Видно, гены дедушки, маминогo отца, во мне присутствуют. Слышал, что сельский плотник любил погулять-покуролесить. Пока не знаю, то ли его гены мне в плюс, то ли в минус. Скорее всего, второе.

А через день сморозил непростительную глупость. Обратился к коллегам-операм с просьбой подкинуть «дури», они как раз разгромили нарко-точку. Те без слов и расспросов выделили мне пять папирос, уже готовых к употреблению. Конечно, пояснил, что это в качестве гонорара агенту, те в ответ махнули рукой, мол, пустяки, нас это не интересует. А на деле оказалось очень даже интересовало. И рапорт попал на стол начальства (мне это потом припомнят).

А Олежка был очень доволен и поклялся, что всё самое стоящее не пройдет мимо его зоркого взгляда. Кстати, всего через месяц он ещё раз поможет мне отличиться. Потом сотрудничество сойдет на нет, разойдутся наши пути-дорожки. Парень отбудет в армию, оттуда уедет к родственникам на Запад и следы его навсегда затеряются.

В отделение поступило заявление от жительницы нашего района. Дело совсем пустяковое, которое никто всерьёз не воспринял. С балкона сняли джинсы после стирки. Заявление, конечно, приняли, но никто им заниматься и не со-

бирался. Для женщины дело-то не в этих самых джинсах, хоть они американские и очень дорогие. Просто они принадлежали другу мужа, который после рейса остановился у них на пару дней. Хозяйке стыдно смотреть человеку в глаза. Кстати, весной у них с балкона украли ковёр, но они тогда в милицию не обращались. Я на всякий случай навел справки у Олежки и через день получил исчерпывающий ответ. Сдернул джинсы с балкона Вовка Анасенко. Вполне добропорядочный молодой человек, учащийся выпускного класса средней школы, единственный ребёнок в благополучной со всех сторон семье. После окончания школы собирается поступать в морское училище. Джинсы, конечно, фирменные, но размер немного великоват. В субботу и воскресенье он постоит с ними на рынке, попробует продать.

Есть в нашем городе что-то похожее на совдеповскую барахолку. Торгуют там нелегально всякой мелочевкой, начиная от книг, компакт-дисков и заканчивая ворованным барахлом самого разного пошиба. Осталось только взять потерпевшего и прогуляться с утра по этому самому блошиному рынку. Мы прогулялись, по описанию вычислили воришку, оказалось, что он попутно приторговывал там пиратской видеопродукцией. Моряк сыграл профессионально. Сначала начал примерять джинсы, потом, вывернув наизнанку штанину, обнаружил какую-то метку, про которую знал только он. Поднял крик и тут же с моей помощью задержали паренька. Подошел наряд милиции, я тихо представился и попро-

сил доставить задержанного к нам в отделение, что и было сделано. Надо сказать, уже не был таким наивным, не ждал ни теплых слов, ни благодарности. Опять списали всё на случайность: оказался в нужное время, в нужном месте.

Восхищению потерпевшего не было предела. Он искренне был удивлен результатом, принес в отделение две бутылки очень хорошей водки и коробку конфет для Надежды Петровны. После этого случая меня просто перестали замечать. Правда, и не трогали по-крупному. Теперь я в основном торчал на дежурствах, натаскиваясь на корректировке чужих протоколов. Как дурак указывал в них явные просчёты и упущения и ещё больше создавал для себя напряг. Особой дружбы между коллегами по ментовскому ремеслу никогда не было, так я, по крайней мере, слышал, но я оказался в этом коллективе совершенно чужим человеком. Меня просто перестали замечать. Так бы и тянулась моя служба ни шатко ни валко, пока бы всё это мне не надоело, возможно, я бы просто уволился по собственному желанию (что я и сделал, но только гораздо позже).

Громкое убийство

Скрасило мою службу очень громкое преступление. И не просто громкое, а оглушительное. И именно в нашем районе. Убили мужика в квартире у любовницы. Грохнули вместе с ней прямо в роскошной кровати. Обычно такое в нашей стране не редкость, и уже, по большому счёту, никого сильно не шокирует. Вот только в этом случае убитый оказался птицей высокого полета. Шумиха поднялась большая. Но опять же, волна прокатилась по самому верху милицейского начальства. Таких как я, зеленых оперов, это сначала не коснулось. В дело вступили асы сыска. Если таковые еще были в органах. Москва поступила, как всегда, мудро, прислав только кураторов и наблюдателей. Невыгодно столичным сыскарям лично заниматься этим делом, ведь в случае неудачи спрос-то с них. Они лучшие, они столица! Так что местные шерлоки холмсы, подталкиваемые большим начальством, рьяно взялись за расследование. А дело, которое я мельком прочитал у Надежды Петровны, простым не выглядело. Мотив непонятный, похоже на месть. Но опять же, зачем такая крутая демонстрация, за которую по любому постараются вывернуть наизнанку? Выходит, тот, кто это сделал, рассчитывал только на успех. Ладно, посмотрим, поболеем за свою команду. Ох, как им тяжело придётся. Слава Богу, что это нас не касается, и низовое звено, к которому

я отношусь, совсем не парится в трудах и заботах. В связи с чуть ли не военным положением мне приходится дежурить в отделении через сутки. Но я не ропщу, крутым сыщикам во сто крат тяжелее, им каждый день в душу плюют и очень даже смачно.

А самое прикольное то, что следственная бригада из одиннадцати человек роет в разных направлениях изо всех сил, напрягая извилины, подтягивая все умственные резервы. А над ними человек пятьдесят начальства в звёздных погонах требуют результата, нервничают, что им нечего доложить наверх.

Видимо, у высшего милицейского состава это самая главная проблема. В долгие часы ночных дежурств залезаю в компьютер начальницы следственного отдела, просматриваю дело и одновременно познаю методику расследования, которую ведут очень опытные сыщики. Моя патронша, кстати, входит в эту самую усиленную следственную группу.

Что выяснилось? Молодая и очень красивая девочка двадцати неполных лет, Марина Авдеенко, работала официанткой в дальнем зарубежье, где и познакомилась с очень состоятельным и важным господином. Ещё до этого знакомства, за два с небольшим года успешной деятельности сумела заработать на двухкомнатную квартиру. И не только заработала, но и шикарно ее отремонтировала и обставила. Хорошо, видно, трудилась. И вот, проживая в родном городе, в который вернулась совсем недавно, она едет поздно вече-

ром встречать в аэропорт своего важного знакомого, который прибывает к юной любовнице в одиночку и почти инкогнито. В курсе только его секретарь, который связь поддерживает по телефону. Встречает она его вместе с Николаем Семигиным, на его машине. Это её бывший партнер по бизнесу, а может быть, и бывший дружок. Марина была его правой рукой в агентстве, которое доставляло русских девушек как в ближнее, так и в дальнее зарубежье, на очень даже разнообразные работы. Трудились они вместе недолго, где-то около года. Потом Мариночка сама отправилась на работу за рубеж, так как на агентство наложил лапу очень беспредельный криминал. Как бы там ни было, а парень с девушкой остались, видимо, в хороших отношениях. Вот он-то, на свою беду, и повез её в аэропорт. Отвез-привез, проводил до квартиры, распрощался на пороге (третий лишний в таких делах). Но это с его слов, которым нет никакого подтверждения. Паренёк влип по полной, и если следствие не нароем ничего нового, то он и будет назначен убийцей. А что делать-то прикажете, как наверх доложить? Расписаться в собственной некомпетентности? Нет уж, увольте, своя рубашка ближе к телу.

Прошла неделя, моя начальница появляется в отделении наскоками, ближе к вечеру. Забывает компьютер новой информацией и снова отбывает в городскую управу, где создан штаб по раскрытию этого преступления. А как иначе, если на ушах стоят и мэр, и губернатор. Надежда Петровна со-

всем не против, чтобы я ковырялся в этом деле, может, что стоящее и придёт в свежую голову. Но я, как говорится, пока в полном ступоре. Слишком мало конкретики по делу. Даже опрос толком не был произведен в доме, в котором случилось преступление. Надо трясти все четыре подъезда, а не один, в котором жила убитая. Но не мне учить профессионалов.

Самолет прибыл с задержкой, и приличной. Пока получили багаж, пока доехали, вот уже и час ночи. А около трёх часов, когда уставшие любовники уснули, произошло убийство. Их расстреляли прямо в постели, в чём мама родила. Оружие на месте преступления убийца не оставил. Экспертиза ствол не определила. Пули американские, калибра девять миллиметров, а вот выпущены не из родного ствола. Криминалисты пока не ответили, из какого. Что интересно, двери были открыты ключами (похоже на качественно изготовленный дубликат, отмычкой тут и не пахнет). Замки хоть и импортные, дорогие, но не особо сложные. За такие деньги можно было бы приобрести более качественное изделие.

Обнаружили убитых быстро, в восемь утра. Секретарь не дозвонился до шефа, а у них была договоренность. Удивительно быстро отреагировал, сразу вызвал милицию. Он знал и адрес, и с кем встречается босс. Так что в девять утра в квартире работала следственная бригада. Убийца контрольных выстрелов в голову не делал, но распределил по три пули каждому в грудь. А с такого расстояния, и с та-

ким калибром результат гарантирован на сто процентов. Если мужичка вели, а на это похоже, то это не компетенция уголовного нашего города. Вот и думай, что к чему. Жертва – иностранец, так что у ФСБ тоже головняк конкретный. Но у них и возможности другие, и специалисты. Жалко девчонку, красивая, попала за компанию. Связалась не с тем человеком, не повезло. Он-то совсем не её поля ягода. Хотя, кто его знает. А может, всё как раз наоборот – мужичок в этом деле оказался случайно. Летел инкогнито, ни охрану, ни секретаря с собой не взял. Значит, не чувствовал угрозы. Таких людей, наверное, о малейшей опасности предупреждают. Его секретарь, мгновенно поднявший тревогу, похоже, профессионал, и не отпустил бы шефа одного, предчувствуя реальную угрозу. Опять же, при своём очень высоком положении, убитый не принимал никаких судьбоносных решений. Это ЧП – головняк для преступного мира. Теперь всех поставят с ног на голову, да ещё и «пощипают» конкретно, пользуясь моментом. Но это мои предположения, понятно, что если копнуть чуть глубже, совсем другой расклад получится. Было дело, в Москве арестовали чиновников негромкого министерства, непонятно чем занимающегося. Вроде и должности у них плёвые, а вот конфисковали полтора миллиона долларов налички. Деньги небрежно валялись в ящиках офисных столов. Видно, не последними были у них эти миллионы. Так что разборки с такими товарищами – совсем не нашего ума дело. Если что и нароют наверху, то нам точно ни-

чего не сообщат. А вот девочка – наш клиент, и вывернуть её наизнанку – задача местных сыскарей. Они вскрыли пока всё видимое. Оказывается, Марина начала свою трудовую деятельность танцовщицей. И первый выезд за границу был у неё в этом качестве. А во второй раз поехала официанткой в Сеул, где отработала удачно почти год. Потом с Семыгиным покрутилась, пока его от бизнеса не оттерли. Вернее, он сам отвалил от греха подальше, не стал работать с явными уголовниками. А вот девушка с ними не развязалась. Под новым патронажем поехала трудиться официанткой, только уже в Гонконг. Но работать в заведении, предусмотренном контрактом, отказалась. Самовольно перешла в другой ресторан, где клиенты были классом повыше. Вот там-то она и познакомилась со своим любовником.

Итак, первая версия: месть местных отморожков, тех, кто направлял её работать за границу. В общем-то, всё логично. Девочка красивая, отказалась совмещать работу официантки с работой проститутки. Не оправдала, так сказать, финансовых надежд мафии. Вот и сработала братва в своих истинно зверских традициях, повоспитывала, чтобы другим неповадно было. Но не учли, на свою беду, «вес» её любовника. Если это так, то ждать осталось недолго. Этих уродов быстро выжмут по полной. Москва не церемонится, когда плюют в её сторону. Многие местные авторитеты на этом сгорели. Столица вдруг оказалась не так уж и далеко. Москва частенько показывает, кто в доме хозяин.

Прошла еще неделя, всё вроде бы успокоилось. Вернулась в отделение Надежда Петровна, снова безвылазно торчит в своём кабинете. Я занят мелочевкой: езжу на задержание мелких хулиганов, наркоманов, завожу дела о похищении мобильных телефонов – обычная милицейская текучка. Интересное наблюдение: мне кажется, что все в отделении решают, в первую очередь, свои дела. А милицейская служба – надежное прикрытие своих личных дел. Возможно, я неправ, я и не «парюсь» по этому поводу. По большому счёту, меня тоже сильно не напрягают, и я могу заниматься чем-то своим, тем же крышеванием какой-нибудь кафешки для приработка.

Загранкомандировка

Неожиданно нас собрали в кабинете начальника. Сначала показалось, что спокойная жизнь дала трещину. Но, кажется, обошлось. Повод для сбора более чем приятный – заграничная командировка. Но без ложки дегтя не обошлось – мы теперь тоже участвуем в расследовании громкого убийства. Ведь случилось оно на нашей земле. И первое, что нам предстоит сделать, это доставить из Пусана некоего Алексея Широва, по кличке Шири, фактического владельца фирмы «Анюта», которая поставляет наших девушек в ночные клубы Кореи и Китая. Это он завладел бизнесом Семьгина, у него, возможно, были претензии к Марине. И теперь он с двумя отмотанными сроками в количестве семи лет – основной подозреваемый, в смысле – заказчик. На момент убийства его в городе не было. Он уже год не выезжает из Кореи. Наши «верха» всё согласовали с корейской полицией, и на этой неделе Шири вышлют из страны, как подозреваемого в организации проституции. Задача нашего отдела – сопроводить Широва в родные пенаты. Звучит круто, а на самом деле одному или двум сотрудникам надо быть всегда рядом с подозреваемым, держать его в пределах видимости, на всякий случай. И всего-то от аэропорта Пусан до нашего города. Зачем сопровождать его – непонятно. Ведь корейцы посадят нашего земляка в самолет и будут торчать

там до тех пор, пока тот не взлетит, нам осталось бы встретить его в зале прилёта. Но начальство сказала лететь, значит, лететь, а вот кому – очень даже интересный вопрос. Кто откажется от халявной поездки за границу? Майор Кизленко, очень реально изобразив страдания думающего человека и одновременно отца-командира, желающего облагодетельствовать абсолютно всех, назвал фамилии, которые были, скорее всего, согласованы заранее. И так, в командировку летели трое. Один из замов начальника – капитан Федоренко. Оно и понятно, человек только пришёл, ему необходимо подкормиться, чтобы, так сказать, войти в новую должность всему и без остатка. Работа тяжелая, любой бонус утешит. С ним едет капитан Семенова. И это без комментариев. Фигурка у неё соблазнительная. И, наверное, начальник мечтает, а может, кто и повыше, увидеть старшую следовательшу без мундира. Но это мое личное предположение. Третьим был назван я. Вот этого, включая и меня, никто не ожидал. По первым двум кандидатурам никто не возражал. А вот моя вызвала жаркие дискуссии, переходящие в яростный спор. Оказывается, многим срочно надо в Корею. В атмосферу кабинета выплеснулось такое, что я ушам своим не поверил. Выяснилось, что я самый настоящий бездельник, да ещё к тому же демагог, в органах без году неделя, всем надоел своими ехидными вопросами. Особенное недовольство выплеснула Шиманович, даря начальнику многообещающие улыбки, при этом натягивая кофточку так, что-

бы он четко зафиксировал все выпуклости, которые возможно будут ему близки именно сегодня. Майор спокойно переждал ор и также спокойно доложил, что от него ничего не зависит, кандидатуры согласованы в Управлении. Никто, конечно, не поверил, но перечить не стали. Майор такое сказанул для большей убедительности, что на веки вечные сделал меня врагом нашего милицейского коллектива. Начальник посоветовал присутствующим раскрыть самостоятельно такое преступление, которое прославит наше родное отделение. Вот тогда и будут рассмотрены другие кандидатуры на заграникомандировки. А пока он советует всем сотрудникам плодотворней трудиться на благо Отечества. На работе заниматься работой, а не варить обеды без отрыва от производства. Красавица-следовательша ещё раз сверкнула глазами, запахнулась руками, прикрывая свои соблазнительные прелести. Вид у большинства был трагически-обиженный, на меня если и смотрели, то с праведным гневом, помноженным на презрение. Всё правильно, выскочка и есть выскочка, читалось в глазах коллег.

Я, если честно, совсем не ожидал такого существенного поощрения. Оказывается, не всё так просто в этом мире бушующем. Никто не забыт, и ничто не забыто. Придётся выполнять свой милицейский долг до последней капли крови.

Порадовали родители. Узнав о командировке в самую шмоточную страну, выделили мне из семейных запасов тысячу долларов, чтобы оделся поприличней. Посоветовали

обязательно купить костюм и куртку. И не такую, в каких весь город ходит.

Через два дня мы были в Пусане и с ходу приступили к выполнению архиважного задания. Первым делом посетили оптовый рынок кожаных изделий. Свободного времени не было ни минутки. Я выполнял роль носильщика. Начальник есть начальник, а женщина есть женщина. Да и по званию я самый младший. Но в целом, трудились, как пчелки, все трое (мы выполняли заказы всего отделения). И ещё был очень приятный момент – присутствие рядом красивой женщины. Я молча любовался ею, совсем не надеясь на награду. Семенова сначала возмущенно сверкала глазами на мои откровенные взгляды, потом, наверное, привыкла и перестала обращать внимания. Заказы выполнены. Вместо ста пятидесяти килограммов на троих, у нас получилось, наверное, тонна. Зам созвонился с начальником по этому поводу, и тот успокоил. Все будет в порядке, встретим. С таможней уже согласовано. Семенова ещё раз «прошлась» по спискам, разбросала галочки. Не дай Бог что забыть. Очень ответственная женщина. На неё легла главная нагрузка по выбору вещей, с которой она блестяще справилась. Что и говорить, настоящая женщина, хоть и работает в милиции. В одиночку я не приобрел бы и пятой части нужных мне вещей. Семенова оказалась настоящим кладом – компетентным консультантом. Благодаря ей мой новый костюм сидит на мне, словно влитой. Она настояла, чтобы я купил его почти за че-

тыреста долларов, а не гнался за дешевкой. Под её руководством я купил осеннюю куртку и зимний «пилот» по последней европейской моде, маме французские духи за сто долларов, а папе коньяк. От тысячи долларов остались одни воспоминания, но зато теперь я выгляжу так, что сам собой налюбоваться не могу. Шутка, конечно, но в хорошей одежде действительно чувствуешь себя по-другому.

И вот мы снова в аэропорту с шестью неподъемными сумками, по виду самые настоящие челночники. С нетерпением ждем, когда привезут нашего подозреваемого. Его, кстати, никто и не привозил. Он приехал сам, зарегистрировался и спокойно ждал вылета. У меня насчёт него тоже большие сомнения. Нет смысла проводить кровавую акцию, когда бизнес налажен и идёт очень даже неплохо. Нелогично как-то.

Трое суток в чужой стране мы занимались своими личными делами, и возвращение не наложило на нас никаких неудобств. Присматриваем вполглаза за Широю, куда он денется с подводной лодки. И корейцы контролируют этот процесс. А по прилёту его встретят наши люди. Так что были правы в отделении, когда с боем рвались в эту командировку. Получилось служебное поощрение и очень даже не хилое.

ГРОМКОЕ ДЕЛО – НАШ ГОЛОВНЯК

Через два дня после возвращения нас собрали в кабинете начальника по тревоге. Оказывается, громкое двойное убийство теперь лежит полностью на нашем отделении, и теперь

только мы отвечаем за ход расследования. Понятно, дело зашло в тупик, и мы оказались крайними. Всё логично: преступление совершено на нашей территории, нам и отвечать. Надежда Петровна назначена приказом главной по расследованию. С её должностью и опытом сам Бог велел быть во главе, и, конечно, придётся ответить за все, если что-то пойдёт не так, или просто не будет результата. Её принесут в жертву, как ритуальную корову, или барана, не знаю точно. Начальник нервничает, он, скорее всего, тоже не останется незамеченным в любом случае, будь то раскрытие или нераскрытие. Дальнейшая карьера этих двоих теперь зависит только от случайного стечения обстоятельств и от личного профессионализма.

Все молчат, никто и не пытается выдвинуть ни версию, ни мало-мальскую идею. Так мы будем сидеть до вечера. Я предложил провести новый и очень тщательный опрос жителей этого дома. Время упустили, но что-то делать надо. В кабинете мы ничего не высидим. Надежда Петровна вяло согласилась со мной, и я оказался на острие как самый свободный, самый не задействованный сотрудник. Вот те на, ещё одно открытие: все в отделении трудятся днём и ночью, просто завалены работой. Вылез с инициативой, теперь и расхлебывай в одиночку. Придётся выехать на место и приступить к опросу. В глубине души я уже хочу заниматься этим делом. Вспомнил фотографии убитой девчонки. Кто мог поднять руку на такую красоту? Работы много, но спе-

шить нельзя. Важно не пропустить возможную мизерную зацепку. Я верю, что такой шанс есть. Неделя ушла на это мероприятие. Как я и предполагал, большинство жильцов просто отмалчивались. Ничего не видели, не слышали, не знали. Девушка в этом доме поселилась недавно, да и проживала наездами. Как узнаешь, с кем встречалась, если она возвращалась всегда глубокой ночью. Вот суки, ничего не знают, но ведь видели, когда появлялась. Среди соседей всегда найдется тот, кому не спится глухой ночью. Кто этот нечаянный свидетель?

Список опрошенных внушительный, а в результате – ноль. Из восьмидесяти квартир я не побывал только в одиннадцати, не застал жильцов. Начальница недовольно скрипит:

– Много времени потрачено безрезультатно.

– Почему сразу это не сделали, по свежим следам? Теперь надо начинать всё заново. С наскака ничего не получится, нужно время, – парировал я.

– Работайте, молодой человек.

Ну что тут скажешь. Мне покоя не дает оружие. Криминалисты определили, что ствол немецкий, времен Отечественной войны, марка «Вальтер», но калибр нестандартный. Это усиленное спецоружие. Такого было в войну очень мало. А патроны подошли к нему от американского «Кольта». Этих кольтов, как и патронов к ним, было завезено в наш край немало в начале девяностых из Вьетнама и Филиппин. Спрашивается, как оружие попало в наш край с другого кон-

да страны? Кто хранил, кто привёз? Скорее всего, это семейная реликвия, которая хранилась спокойно в домашней коллекции. Потом перешла в руки молодых наследников, и, конечно, сразу оружие понадобилось. Необходимо проверить всех, кто контактировал с девушкой, в том числе и родственников, проживающих на западе России. Одним словом, скрупулёзно поднимаю связи убитой. Чтобы не отвлекаться на чужие наработки, веду своё расследование, потом сравним. Понятно, мужик случайно попал под раздачу. Его бы грохнули из более современного оружия. На таком уровне не стали бы комплектовать немецкий пистолет американскими патронами. Москвичи сразу раскусили, потому и сбросили дело на нас. Их не интересует элементарная бытовуха. Случайность есть случайность, от этого никто не застрахован. Пусть местные и выкручиваются, как хотят, а точнее, пусть прессуют сутенеров.

Я доложил Надежде Петровне о нулевых результатах, сказал, что теперь неделя нужна на проверку связей убитой. Начальница поохала, повздыхала, но согласилась, а куда ей деваться-то. Я по-прежнему один в этом деле, все тихо отвалили, опять на своей спокойной текучке. Видимо, начальство с первого дня смирилось с неотвратимостью нулевого результата. А люди нужны, чтобы как можно быстрее проверить окружение Марины. У такой красавицы круг общения, наверняка, не маленький. С другой стороны, я сам себе велосипед, и кроме суточных дежурств меня никуда не дер-

гают. Да и не доверяю коллегам, могут схалтурить, не заметить, не обратить внимания.

Хорошо, что девушка из нашего города, и с момента окончания школы прошло совсем немного времени. Марину все помнят и жалеют. Вернее, жалеют в основном парни. Девчонки настроены более спокойно. Хотя злорадства никто не показал. В душе-то, конечно, девчата завидовали. А как иначе, она была красавица. А в сочетании с большим любовным потенциалом и близкой к нулю неприступностью, имела целую ораву любовников. Ничего нового я не узнал. Одноклассники и одноклассницы – материал пустой, не контактировала она с ними. Надо искать тех, кто был в неё влюблен или ненавидел. Они многое могут рассказать. Но таких пока на горизонте не появилось. Завтра спрошу её родителей, съезжу туда, где она раньше жила. Но моя главная надежда Широ и Семыгин, они-то точно в курсе последних Мариных дел и любовников.

Сначала навестил в СИЗО Ширу. Чуть со стула не упал, когда его увидел. Сиделец был худой и бледный, лицо синее от ещё не сошедших синяков. В приличной молотилке побывал, но воля, кажется, не сломлена. Глаза сверкнули ненавистью, закурить не просит. На все вопросы два ответа: «Не знаю», «Не помню». Парень видно смирился со сво-

ей незавидной участью, и приготовился стойко нести крест. Неужели спокойно ждёт трагического исхода? Мне спешить некуда, да и нет желания второй раз посещать это мрачное заведение. Отдал ему пачку сигарет и зажигалку и теперь молча тяну время. Не хочется ехать в старый дворик на другой конец города, расспрашивать людей, зная наверняка все возможные ответы. Да и ехать-то ещё рано, все на работе. Там надо появиться где-то после шести, чтобы к восьми-девяти часам управиться. Подследственный не нервничает в ожидании, но и особой радости не испытывает от моего присутствия. Посижу ещё часик, на улице дождь, может, закончится за это время.

– Чего не куришь то? Эти сигареты твои. Гонорар за нежелание помочь.

– Я ничего не знаю.

– Я тоже ничего не знаю. И, в принципе, знать не хочу. Покручусь недельку, доложу, что ничего не нарыл, и свободен. Правда, с выговором, но ничего страшного. Я не держусь за эту работу. Не собираюсь сгорать за идею и восемь тысяч рублей в месяц. А ты не боишься, что тебя назначат виновным и закроют как минимум на червонец?

– А меня уже назначили и приговорили.

– Это не совсем так, тут еще один в СИЗО парится. Да ты знаешь Колю Семьгина.

– Ну, знаю и что с того?

– Да ничего, он просто ближе стоит к наказанию. Он по-

следний видел девушку живой. Один из вас пойдёт по максимуму, а вот кто – вопрос. Наверху, видно, ещё не решили. Вот и суетятся еще со следствием. Но назначат убийцу точно. Они вами свои жопы прикроют. Отчитаются, что все тип-топ. А Москву настоящий преступник интересуется, но, опять же, не очень. Ведь видно невооруженным глазом, что их человек случайно под раздачу попал. Слушай, ты почему не куришь? Не хочешь к менту в зависимость попасть?

– Просто не хочу, и всё.

– Не хочешь, как хочешь, но всё равно забирай, потом захочешь. Слушай, я тебя по-человечески прошу, вспомни, кто рядом с Мариной крутился, из постоянных, так сказать, кавалеров и подруг. Вспомни, ну не убудет же от тебя, если скажешь.

– Ты же сам говоришь, что тебе плевать на истину. Так зачем роешь?

– Если честно, не знаю. Может, я в душе Шерлок Холмс. А серьезно, девчонка больно красивая. Наказать хочется уroda.

– Да, девка красивая была. Сколько нервов поистрепал, пока всех отвадил, заставил работать по уму. И всё равно бесполезно. Только вырвалась на свободу, сразу и съехала с темы. Сучка, она и есть сучка, это неизлечимо.

– Вот она, твоя проблема. Никто не верит, что ты с ней спокойно расстался, без элементарной прессовки. Так сказать, чтобы другим неповадно было.

– Какая прессовка? Кого запугивать-то? Ты хоть представляешь, сколько у меня таких, как она, добровольно работают. Допустим, решил я наказать, но зачем мне её убивать-то. Она представляет интерес, как товар, причём, товар очень ходовой. Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца? Я и без мокрухи нашёл бы действенные методы убеждения. Долгов за ней нет, неустойку она выплатила. На таких наезжать себе дороже. Всегда найдется крутой хахаль или папик со связями, который заступится за красавицу.

– Значит, претензий у тебя к ней не было?

– Абсолютно.

– Лады, верю. Ну, если вспомнишь близких людей Марины, я в долгу не останусь, по минимуму хоть куревом обеспечу.

– Была у неё подружка такая же красивая, как и она, только светленькая. Так вот, эта девочка была сильно против нашего с Мариной сотрудничества. Обещала даже папу подтянуть на разборку, если я от Маринки не отстану.

– А что, у неё папа такой крутой?

– Да уж. В бизнесе со связями, да ещё из наших – бывший сиделец. Такой решит сразу, и не раздумывая. Я-то думал, что они на пару по кабакам промышлять решили, так сказать, чтобы ни с кем не делиться. Может, и ещё что на уме было. У красивых девок вариантов в запасе много.

– И ты шуганул подружку.

– Да, и круто. Сказал, если не отстанет, то получит в глаза

порцию кислоты. Как раз на югах так с местной красавицей поступили.

– И получила бы?

– Ты что, я девок пальцем никогда не трогал и никому не позволял. Это любая подтвердит. С пацанами разбирался и, бывало, по-тяжелому. А девок – ни-ни.

– Молодец, ценю. И что, девушка отстала?

– Да вроде, по крайней мере, мне на глаза не попадалась, под ногами не путалась. Она, скорее всего, хотела Маринку вытянуть из этого болота. Сама-то благополучная, родители богатенькие, самостоятельная и, наверное, умная. Маринка-то попроще.

– Кто она такая, не подскажешь?

– Виктория Котрикадзе. Когда она меня взялась запугивать, я справки навёл о её папе, чтобы знать реальную угрозу. Девочки вроде вместе плаваньем занимались в спортком-плексе «Юность», Маринка всё её пловчихой называла.

– Вот за это спасибо. В следующий раз что ещё, кроме курева, принести?

– Что принесешь, то и ладно. Мои-то ребята не могут пробиться. Прессуют меня плотно.

На этом и расстались. Скажу сразу, мне Шира больше не потребовался, как и Семьгин. Но я, как и обещал, ещё раз навестил парня, оставил десять пачек простых сигарет, пять пачек чая и кусок сала килограмма на два. Почему-то мне было неудобно за коллег, которые так жёстко обошлись

с человеком. Не все методы хороши для выяснения истины.

Красавица-студентка

Нашёл красавицу грузинку через этот самый бассейн. Там были все данные на пловчиху первого разряда в стиле брасс Викторию Котрикадзе. С небольшой фотографии смотрела светлая девчонка, в лице которой не было ничего грузинского. Кстати, её тренер подсказал, чем сейчас занимается Виктория. Она учится в университете на факультете журналистики, третий курс. Еду в университет, нахожу красавицу-студентку. Мой рост метр сто восемьдесят один, а девушка на каблучках вровень со мной или даже чуть-чуть выше. Может, мне так показалось, понижаю себя от волнения. Фамилия грузинская, а сама светленькая, вполне славянской внешности. Прямой небольшой носик и чётко очерченные губы. В фигурке нет рельефных выпуклостей: всё плавно, всё пропорционально. Стройность подчеркивают джинсы и обтягивающая кофточка. Студентка поглядывает на меня свысока, или мне тоже показалось. Не случись этого расследования, ни за что бы не решился подойти к такой девчонке. Хорошо, служба обязывает, спасибо ей за это. Девушка слушает меня молча, смотрит прямо в глаза. Стараюсь не смущаться и взгляд не отвожу.

– Я сотрудник милиции. Веду важное расследование, и мне очень нужна ваша помощь.

Выложив всё это, жду реакции. На нас то и дело кида-

ют взгляды её сокурсники, но никто не подходит. Наяву и вблизи она красивее, чем на фотографии. Я даже не могу представить себя рядом с ней. Кажусь себе таким неуклюжим, ментом дешёвым. Помогает сохранить спокойствие служебный долг. Как никак, а я при исполнении. И мне должно быть начхать, кто передо мной: красавица, кинозвезда или простая девчушка. Вроде бы оно так, а чувствовать себя не в своей тарелке.

– Что вас конкретно интересует?

Смотрит внимательно, но в глазах вроде лёгкая усмешка. Привыкла покорять и повелевать. Она, конечно, очень красивая, а у меня нет никакого опыта общения с девчонками, особенно с такими, как она. Всё свободное время забирал спорт. Но я с четырнадцати лет при женщине. Постоянная любовница, которая намного старше, преподала и до сих пор преподает мне уроки любви такие, что многим и не снились. Вспомнил Галину, и моё смущение понемногу прошло. Глаза у девушки огромные и чёрные – наследие грузинских предков. Я в них смотрел бы, не отрываясь.

– Очень многое. Только боюсь не успеть, у вас скоро лекция.

– Скоро не скоро, я для такого молодого человека могу пожертвовать даже учебой.

Вот тут я смутился, позорно покраснел и упёрся глазами в пол. Не говорю, а просто лепечу так, что стал противен сам себе. А красавица, вижу, довольна произведенным эффек-

том. Улыбается уже открыто.

– Да нет, не надо таких жертв. Скажите время и я подойду. Мне часа вполне хватит.

– А мне нет. Вот мой номер телефона. Звони после пяти. Я подумаю, где встретиться. До вечера, милый оперативник. Кстати, ты так и не представился.

– Лейтенант Николай Сидоров.

– А кто я такая вы, надеюсь, знаете, товарищ лейтенант?

– Виктория Котрикадзе. Подруга убитой Марины.

Девушка сразу нахмурилась, вспомнила по какому поводу я здесь.

– Были подругами, но очень давно. Можно сказать, в детстве.

Первый раунд я проиграл вчистую. И чего смущался-то. Я что, ей в бойфренды набиваюсь. У неё и без меня таких, наверное, легион. А может, повесткой вызвать? Нет, это уже совсем дурость. Если я что и узнаю, то только в дружеской беседе. Такую девочку тяжело напугать. Так что ждём вечера. А встретиться с ней очень хочется и совсем не потому, что заинтересован в расследовании. В глубине души на что-то надеюсь. Начинает казаться, что смотрела она на меня как-то по-особенному. И на фамилию внимания не обратила. По крайней мере, не пошутила по этому поводу. Вот если бы встреча состоялась завтра, я сегодня бы посетил свою любимую женщину, которая живёт этажом выше и никогда не против. Она так любит это дело, так страстно ему

и мне отдаётся, что после ночи с ней я спокоен и безразличен к женщинам до полной апатии. В голове одна мысль: добраться до постели и спать подряд часов десять. Вот тогда бы при встрече с будущей журналисткой я бы совсем не смущался. Но сегодня это не получится, моя женщина до шести на работе. А так как она ещё и замужем, и мама двенадцатилетней дочери, то все наши встречи тщательно согласовываются, и спонтанно пересечься получается очень редко. Придется снова краснеть и смущаться. А красавица с грузинской фамилией постарается выдрессировать ещё одного пылкого влюбленного.

До пяти часов заехал в отделение, где доложил Надежде Петровне о проделанной работе. Сильно не распространялся, сказал, что у меня сегодня ещё важная встреча. Вечером на работе не появлюсь. Она не против, но предупредила, что завтра с утра я заступаю на сутки дежурным по отделению. Значит, на следующий день ничего не планировать. Не могу понять логику начальства. На нас висит неподъемное дело, и никто им в принципе не занимается. То, что делаю я, это лёгкие намёки на расследование. А может, все уже смирились с висяком, который благополучно сгинет со временем, забудется, и всё встанет на привычные рельсы обыденности. Но как бы то ни было, а я уже лицо заинтересованное. Тем более, что это дело подарило мне такое знакомство, от которого при любом раскладе я останусь счастливым человеком. Занимаясь им, больше шансов и поводов встретиться ещё

раз с Викторией.

НОЧНОЙ КЛУБ. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Домой попал только к шести часам вечера. Не спеша поужинал и все прислушивался к телефону, не зазвонит ли. Он тренькнул около восьми вечера, я так и предполагал, не сможет красивая девушка не помучить ожиданием.

– Я сегодня буду в ночном клубе «Континент», там меня найдёшь.

– Я могу заехать за вами, если, конечно, моя старенькая «Королла» вам подойдёт.

Обозлился на себя за свой, как мне показалось, заискивающий тон, за обращение на вы. И ещё чёрт знает за что. Скорее всего, за то, что дышу неровно в её сторону, и, кажется, готов на многое для девушки, а не для дела, которым занимаюсь. Не получается у меня быть крутым мэном, снисходительным и ироничным профессионалом из ментовских сериалов. Они-то, к слову сказать, влюбляют в себя легко и просто, а я вот с замиранием сердца жду ответа и на что-то надеюсь.

– Значит, ты на машине, – обрадовалась девушка. – Это очень хорошо. Подъезжай к моему подъезду ровно в одиннадцать, – и назвала адрес.

Времени много и совсем нет желания звонить соседке, хотя возможность такая появилась. Подождал, пока родители отужинают, и приступил к выполнению трудной задачи. У мамы надо занять немного денег, хотя бы тысяч пять. Для

меня это уже небольшая сумма, а для родителей значительная. Кошмар какой-то, работаю, можно сказать, по полной, а из долгов родителям не могу выползти. И самое печальное, что и будущее не светит мне большими доходами. Как обычно, начинаю с бензина, подключаю оперативные расходы и прочую белиберду. На что мама праведно гневается:

– Сын, с начала трудовой деятельности твои расходы сильно возросли.

Она совсем не знает, на что я трачу деньги. Я напоминаю, что получаю всего восемь тысяч, из которых больше половины улетает на бензин, что, конечно, неправда. Мама не представляет, какая нищенская организация наша милиция. Приходится покупать ручки, блокноты, курево для арестованных. А как иначе их разговоришь? Деньги, словно вода, утекают незаметно. Вспоминаю с усмешкой наших сержантов, постоянно глотающих дорогуший коньяк под шикарную закуску, нашего начальника, заскакивающего иногда на работу на новом «Крузаке». Не все такие бедные в милиции...

– Куда это ты, на ночь глядя? – попыталась она выяснить.

– На задание.

Её, конечно, не удовлетворил мой короткий ответ. Кстати, это она решила, что я должен служить в милиции. Так что ничего не поделаешь, такова ментовская жизнь, круглые сутки быть на заданиях. Дебаты, где мне припомнят и нерадивость в учебе, и прочее, и прочее, могут затянуться. Я

к этому сегодня не готов, так что быстро скрываюсь в ванной. Не отвечаю на реплики: деньги даются в долг и только в долг, молодому мужчине, каковым я являюсь, пора становиться самостоятельным. Через дверь обещаю перейти в ряды криминала, тогда стану самостоятельным, деньги появятся и, наверное, крупные. После такого страшного обещания мама замолкает, крестится, оберегая меня от такой напасти. Папа, как обычно, в эти разговоры не встревает, да и у него денег нет. После ванной глажу мой любимый батник в крупную коричнево-серую клетку, джинсы. Вечер сегодня теплый, так что можно идти без пиджака или пуловера. Ровно в одиннадцать я у нужного подъезда в нетерпеливом ожидании. Удивительно, но девушка выпорхнула из дома минута в минуту. Я, как настоящий джентльмен, вышел из машины и открыл дверцу. Прежде чем нырнуть в салон, Виктория мельком, но критически посмотрела и осталась, кажется, довольна моим видом. Не стыдно появиться с таким кавалером в общественном месте. Самое удивительное, мы оказались одетыми почти одинаково: в джинсы и батнички почти одного цвета, за исключением мелких деталей. Боюсь только одного, что заедем ещё за каким-нибудь её приятелем, и меня определят на роль водилы. Никуда не денешься, придётся терпеть, чтобы получить информацию, которая может пролить свет на расследование. Но нет, мои опасения не оправдались, едем сразу в центр, к клубу «Континент», в котором я ни разу не был. Если честно, то всего-то был пару раз

по случаю в «Солярисе», не самом лучшем ночном заведении. И ничего интересного для себя там не нашёл: грохот музыки, постоянная суета и нервное движение народа. Все то ли обдолбанные, то ли пьяные. Этот, куда едем, самый крутой в городе, но думаю, что он мало чем отличается от себе подобных. Все они на один лад. Я за рулем, пить нельзя, а торчать трезвым в таком месте, оценивать обстановку в реальном измерении – занятие не из приятных. Тем более, что завтра рано вставать, весь день крутиться на опросе свидетелей, ведь одиннадцать квартир я так и не посетил. Думаю, на это мероприятие отпустят днем с дежурства. Да ещё в планах постели с очень страстной женщиной. Я уже скучаю, оказывается, это мне очень надо. Без женщины я просто не представляю своего существования.

Сегодня не мешало бы немного расслабиться, со мной рядом такая красавица. Может, после пары коктейлей стану немного смелее. Не стоит об этом думать, если нельзя, значит, нельзя. Настраиваюсь на этот вечер, как на работу, правда, более приятную, чем в отделении.

Клуб нас встретил оглушительной музыкой и толпой знакомых моей спутницы. Что самое неприятное, в основном, это были парни, а не девчонки. Хорошо ещё, что никто не лез с разговорами и приставаниями, ограничиваясь приветствиями. Танец, ещё танец и ещё. Кажется, этим пляскам не будет конца. Как умудряются некоторые дергаться на танцплощадке по несколько часов кряду? В натуре спорт, и не из лёгких.

Кругом молодежь, от большинства я ничем не отличаюсь, а вот мне здесь совсем неинтересно. И вырвав Вику из вихря танца, веду её в бар. Надо хоть немного отдышаться. Ей легкий коктейль из шампанского и вишнёвого ликёра, а себе апельсиновый сок.

– Что так скромно? Ты не пьёшь совсем?

– Я за рулем. Можно сказать, не пью.

– Молодец. Редкое явление среди нашей молодежи, так мой папа говорит. А как насчёт наркоты? Знаешь анекдот: бросил пить, теперь колюсь.

– С наркотиками я воюю, у меня работа такая.

– А многим это не мешает.

– Откуда такая осведомленность? Я не пью, не колюсь и никогда этим не занимался.

– Так, к слову сказала. А если ты меня увидишь с «косячком», арестуешь?

– Шутишь?

– Совсем нет. Мне интересно, как ты поступишь в такой ситуации? С виду ты очень правильный.

Просто отойду в сторону. Не такой уж я и правильный. И занимаюсь этой работой от неблагоприятного стечения обстоятельств. Сегодня мне не хочется думать ни о работе, ни о преступниках, ни о наркотиках. На фиг проблемы, мне бы тебя на танго пригласить, – я, кажется, освоился в компании девушки.

– Почему именно на танго?

– Мне нравятся медленные танцы.

– И все?!

– Приятно быть очень близко от тебя.

– А ты, оказывается, ловелас. Скромный-скромный, а разобьешь бедное девичье сердце.

– Моё уже разбито, – иду я ва-банк. – Кто знает, может, второй встречи и не будет.

– Ты исключительно опасный тип. Пошли танцевать, а то такими темпами и в любви объяснишься.

Мы танцевали медленный танец. Виктория держала меня на дистанции, и, кажется, мы оба чувствовали себя неуклюжими и скованными. Во всяком случае, вздохнули с облегчением, когда ударила зажигательная музыка. Теперь мы снова были частью веселой и бесшабашной толпы. Потом был ещё один заход в бар, а когда в два часа ночи веселье в клубе достигло пика, девушка объявила, что ей пора домой.

– У меня завтра с утра занятия и никак нельзя пропустить, зачётная неделя.

Это и меня устраивало, ведь мою работу никто не отменял. Через пятнадцать минут мы были у Викиного подъезда. Пустые улицы ночного города. Езда на пределе, за сотню. Что и говорить, хочется покрасоваться перед красивой девчонкой. Хотя на неё эта гонка совсем не произвела впечатления, сидит вся из себя такая спокойная. И я только сейчас вспомнил, что совсем не прояснил детали, ради которых всё это и затевалось. И когда выключил двигатель, почему-то

робко спросил:

– Виктория, а насчёт Марины не поделишься информацией?

– Нет.

– Почему так категорично?

– А потому. Не хочу, вот и всё.

– Дело твоё. Я рассчитывал на твою помощь. Что бы там ни было, а преступника искать надо.

Девушка задумалась.

– Ладно, завтра встретишь меня после занятий, тогда и поговорим.

– Во сколько?

– Я позвоню.

Девушка вышла из машины и быстрым шагом прошла к подъезду. Я, конечно, выскочил следом, пытаюсь задержать её хоть на минутку, но перед моим носом щёлкнула мощная стальная дверь.

ДЕВИЧЬЕ СЕРДЦЕ НЕСПОКОЙНО

Настроение испортилось окончательно. Виктория быстро поднялась на свой третий этаж. Тихонько, стараясь не щелкнуть замком, открыла входную дверь. Не включая свет, прошмыгнула в свою комнату. В довесок к плохому настроению встретиться сейчас с папой и выслушать лёгкую нотацию просто не было сил. Почему она злится? Почему у неё удивительно скверное настроение после совсем неплохого вечера? Неужели из-за этого мента? Не смогла покорить его

своими чарами, и он весь вечер только и думал о том, как получить сведения о подруге, которую и подругой-то назвать нельзя. Говорил так вдохновенно о танго, а сам даже не попытался хоть чуть прижать её к себе в медленном танце. Она бы, конечно, это пресекла в корне, но сделать такую попытку он был просто обязан. Интересно, в этот вечер к ней никто не лип, как будто отрезало. Обычно от танцоров отбоя нет. Самый крутой мэн этого заведения, толстячок Жора даже глазом не повёл в её сторону. Возможно, в клубе знают, что этот парень из милиции и просто связываться не хотят? Ладно, разберемся. А машинка у него совсем неплохая, хоть и называет её старушкой. Чувствуется, что она ухожена, двигатель работает бесшумно и на сотню выходит мгновенно. Наверное, для него она дороже всего на свете. А может, на прячь товарища, чтобы он ежедневно встречал её после учёбы? Можно, конечно, и самой гонять в универ на своей спортивной «Интегре», но это совсем не то. Она помнит взгляды однокурсниц, среди которых немало опытных сердеедок. Значит, поступила правильно, заставив парня ещё раз показаться в её обществе на виду у всех, это лишним не будет. Неужели она не сможет привязать его к себе? А может, у него уже есть подруга? Ладно, пора спать, время покажет, кто есть кто. И вдруг шальная мысль пришла в голову: если бы она вышла замуж за него, они были бы очень красивой парой. Вика замерла от удивления, она первый раз подумала о мужчине в таком качестве.

Следующий день начался с совещания у Надежды Петровны, она конкретно пыталась наехать на меня. Отдавать приказы легко, а вот преступления раскрывать... Я вообще не понимаю, как многие добрались до таких званий и должностей: ни ума в наличии, как говорится, ни фантазии.

– Надежда Петровна, я с вами полностью согласен, следствие буксует. Даже не буксует, а просто стоит на месте. Говорите, что делать, и я буду следовать, так сказать, руководящей и направляющей линии. Лично я не знаю, что делать дальше, в каком направлении вести расследование. Согласен дежурить по отделению хоть каждый день, пускай другие займутся этим делом.

Надежда Петровна сходу смекнула, куда я клоню, и очень быстро переориентировалась, натянув на лицо маску доброй и любящей мамочки.

– Ты неправильно меня понял. Я даю тебе зелёный свет. Поступай, как считаешь нужным. Расследование на тебе. Просто хотелось бы ускорить процесс. Сам понимаешь, людей нет, мы не в силах проверять сразу несколько версий. А у тебя неплохо получается. Будет результат – будет всё, я тебе гарантирую. Ты меня знаешь.

Я понял, отрабатывать поездку в Корею надо. Повёлся на сладкое, так будь добр, крутись.

– Рад бы закруглиться, да версия преступления не вырисовывается. А без этого остается только одно: проверить окружение убитой. Уже одноклассников её опросил. Я прошу только одного, заступать на дежурство в 20.00, чтобы в светлое время суток мотаться по опросам.

Все остальные молчали, как будто это дело их совсем не касалось.

Закончилось совещание напутствием: работать и еще раз работать. Затем все благополучно расползлись по своим делам. А я, следуя наставлениям начальницы, решил ускорить дело и сразу позвонил Виктории. И, конечно, не дозвонился, абонент недоступен, наверное, на занятиях. Зачем звоню, что скажу, даже не представляю. Вот и сижу в машине в ожидании доступа к абоненту – красивой, наверное, довольно вздорной девчонки и уже такой желанной. Спать хочется страшно, ведь прошедшая ночь подарила мне всего полтора часа отдыха. Проклиная своё слабование, не удержался и набрал знакомый номер, когда уже стоял перед дверью своей квартиры. И, как всегда, ни возмущения, ни претензий и недовольства, что поднял в такую глухую пору. Шагнул в темный проём чужой квартиры и сразу уткнулся в желанное женское тело. Шёлковый халатик на пояске слетел мгновенно, едва мы переступили порог комнаты; открыл в мерцающем красном свете ночника женскую красоту, отдающуюся жадной мужской силе. И через час, кажется, погасив желания, женщина всё же не могла расцепить руки. При-

жавшись всем телом, ласкала губами, снова готовая удовлетворить мужчину, если вдруг он вспыхнет желанием. Такая страстная и безотказная. Не удивлюсь, если узнаю, что она имеет еще парочку таких же бойфрендов, как я. Но это уже к делу не относится. Надо немного подремать, откинув автомобильное кресло. И по первому зову рвануть в университет. Самое страшное для меня то, что не смогу изобразить на лице ничего, кроме усталости после ночной взрывоподобной плотской любви. Желательно сразу прояснить интересные детали, дело-то стоит. Настраиваю себя, что мне нужна работа и только работа, а все остальное – не важно. Хотя все как раз наоборот.

Сотик зазвонил, когда я уже почти выспался. Нашёл в частном секторе колонку

и умылся. Мне казалось, что у меня очень помятое лицо. В университете я появился совершенно бодрым, готовым на самые безрассудные поступки. Прошедшая ночь уже далеко, совсем забыта, и я искренне радуюсь встрече с девушкой. Совсем не дергаюсь от того, что мы беседуем на виду у её сокурсников. И снова, наверное под гипнозом чёрных глаз, делаю безумный поступок. Плюнув на заправку машины, приглашаю Викторию в кафе-мороженое. Моё предложение благосклонно принято. Оставшиеся шестьсот руб-

лей скоро перестанут существовать в природе. И чёрт с ней, с заправкой! Как меня достало безденежье, на элементарное не хватает. Придётся деньги в отделении занять у сержантов, а это значит – попасть в зависимость. Пора ставить перед начальством вопрос о компенсации затрат на бензин. Но это опять же, при условии успешного раскрытия дела. А когда это ещё будет, бензин-то нужен сегодня.

В кафе людей совсем мало, да и кто пойдёт сюда днем. Название заведения безобидное – «Пингвин», а вот цены, как у мировых производителей, точно, хана моим последним копеечкам. Не хочу рисковать, сразу начинаю о деле. Неуверенно начинаю разговор:

– Вика, расскажи мне о своей бедной подружке. Начальство меня уже достало с этим делом, до обеда мозги промывало.

– А почему это она бедная? У неё все хорошо получается.

– Получалось, это было уже всё в прошлом.

– Извини, я совсем забыла. Глупость сморозила. Но если отбросить эмоции и рассуждать здраво, то каждый получает то, что заслуживает.

Я понял, Виктория не сильно скорбит по Марине. Возможно, просто женское соперничество и зависть? И чтобы не запутаться в этих дебрях, начал задавать наводящие вопросы.

– Ты её знакомых ребят знала?

– Во-первых, ребят у неё не было. Все мужчины преклон-

ного возраста, и всех их знать было практически невозможно. Да и встречались мы от случая к случаю.

– Но кто-то постоянный был? Ну, не любовник, а так, по делу. Помогал, может, по житейским вопросам.

– Наверное, был, но она меня с ними не знакомила. Мы шли каждая своей дорогой.

– А в школе?

– Мы в разных учились, а познакомились на плавании. Но вот на дискотеке в «Молодёжке» её одноклассник диск-жокеем трудился. Первый Маринкин мужчина. Мальчик красавец, благополучный со всех сторон. Родители очень важные особы в рыбной отрасли. Представляешь, у него машина была с пятнадцати лет, и никакая автоинспекция не трогала.

– Вика, если можно, расскажи поподробней об этом красавце.

– Да ничего интересного. Маринка держала его на коротком поводке. Он больше на друга смахивал. Мне кажется, она его просто использовала. Куда, например, поехать – машина всегда рядом. Благодаря ему мы в этом Доме Молодежи совершенно бесплатно тусовались. Достоинства у парнишки были, но вот только Маринка козлом его обзывала, когда была не в духе, и он совсем не обижался. Ты думаешь, он к её смерти причастен? Если так, то совершенно напрасно. Скажу тебе больше, мы с ним на одном факультете год проучились, а потом он с родителями отбыл в столицу.

Его папашу туда по работе перевели. Я говорила, он большой специалист в рыбной отрасли. Красавчик Макс теперь в столице зажигает.

– Что нетипичного в этом типичном красавчике? У тебя есть своя точка зрения на этот счёт?

– Знаешь, а он был влюблен в Маринку. Человек без особых моральных принципов, очень даже не обделенный женским вниманием, а сох только по одной Маринке. Мне кажется, она над ним издевалась: то подпустит, то шуганёт. Как увижу его на учебе поникшим, значит, снова отставка. Только успокоится, она снова рядом. Всё так и было, пока он не уехал.

– Интересно, конечно, но на момент убийства он был далеко. Да и не верится, что такой пацан способен на убийство. И почему он так страдал по одной, когда вызывал интерес у многих девчонок?

– Любовь, наверное. А тебе знакомо такое чувство?

Я не отреагировал на ехидную реплику, а девушка продолжила:

– Мог, не мог – это не моё дело, и я им грузиться не собираюсь. Я рассказала то, что знала, а остальное – дело рук нашей доблестной милиции в твоём лице, суровый товарищ оперативник. Good bye, мой милый!

– Почему гуд бай?

– Ты же выяснил всё что хотел. И я для тебя теперь отработанный материал. Так ведь?

– Ну что ты. Для меня это расследование совсем не главное. Так, часть работы.

– Хорошо, а что для тебя главное? Раскрой секрет.

– Я хотел бы пригласить тебя куда-нибудь вечером, но у меня полная финансовая несостоятельность, а зарплата только через неделю. Но я могу тебя встречать после учебы, домой отвозить.

– Хочешь моим личным шофером стать?

– Нет, конечно, но видеться чаще хотелось бы.

– Даже так! А вы очень опасны, молодой человек. Начали с расследования, а теперь появились далеко идущие планы. Так незаметно и влюблюсь, а любовь – это всегда страдания, так я слышала. Вы хотите обречь молодую девушку на страдания? – сверкнула весело глазами красавица.

– Хочу. Но не думаю, что получится. Девушка слишком красивая и самостоятельная.

– И умная. Я, может быть, очень внимательно рассмотрю ваше предложение, молодой человек. Кстати, если я ещё что-то вспомню, обязательно позвоню, так что ждите звонка, товарищ оперативник.

Мы расстались. Ничего нового я не узнал, а вот головняк заработал. Теперь буду ждать её звонка в надежде, что Вика решит ездить на моей машине прямо от дверей университе-

та. С какого бока может быть привязан этот Максим к убийству, если его даже в городе на тот момент не было? Короче, голова кругом. Надо домой ехать, отсыпаться и с бензином надо что-то решать. У кого занять? Не жизнь, а сплошная проблема.

Следующее рабочее утро начал доклад Надежде Петровне о проделанной работе. Я этот вариант предполагал и, конечно, подготовился. Целых два часа рассказывал начальнице о связях Марины. Взял и просто перечислил почти всех одноклассников убитой, якобы мной опрошенных. Вранье стопроцентное. Если бы я провернул такой объем работы, мне месяц надо было пахать круглые сутки. Удивительно, но та проглотила информацию спокойно. Скорее всего, не поверила, но в отчётах укажет: её люди работают, делают всё возможное и невозможное. У нас любого копни – все работают не покладая рук, пашут от зари до зари, вот только результаты обычно плачевные. Страна липовых рапортов и отчётов. Раньше после просмотра бесконечных детективных сериалов я всегда удивлялся, чем это занимается начальство. В фильмах начальники только и делают, что докладывают о результатах работы куда-то наверх, и строгим голосом требуют от подчинённых конкретного результата. И очень нервничают, когда выясняется, что докладывать нечего. А сегодня на практике сталкиваюсь точно с такой же картиной. Никто не советует, где искать и что проверить в первую очередь, не приказывает всё бросить к чертям

собачьим и искать там-то и там-то, проверять того и другого. Всё точно по фильму: слушают, пишут и приказывают продолжать в том же духе и как можно активнее. Я, конечно, буду продолжать опрашивать оставшихся жильцов дома, где произошло преступление. Но мало-мальски приличной версии у меня по-прежнему нет, хотя в глубине души, где-то на задворках сознания вертится мысль, что всё просто, элементарно, вот только надо постараться уловить эту элементарность. И чтобы избавить мозг от одной проблемы, пытаюсь решить её прямо сейчас.

– Надежда Петровна, небольшая проблема. Бензина в моей машине ни капли.

– В общественном транспорте катайся. Для милиции проезд бесплатный. И автобусы сейчас очень хорошо ходят.

– Шоферня ругается. Говорят, нет такого права. И я не знаю, что ответить. Хоть пистолет доставай и разбирайся. Наглеют конкретно, милицию не боятся и не уважают.

Начальница посмотрела в упор, как будто решила уличить меня во вранье. Я не отвёл честного взгляда. Тогда она достала из стола триста рублей и вручила со словами:

– Отчитаешься и чеки на бензин предоставишь. Деньги казенные.

Вот так номер! Оказывается, наша милиция не такая уж и нищая, если просто так из стола достают деньги и отдают, не требуя элементарной расписки. Но это все же лучше, чем просить у сержантов. Я уже знаю, они работают на грани фо-

ла. Ребята могут споткнуться в любой момент, надо держаться от них подальше. Мне совсем не нужны сальные пятна в биографии.

Мы не пара

Заправил полный бак и поехал домой. Мои все на работе, так что можно спокойно подремать в тишине, мечтая о звонке Вики. Через неделю приглашу её снова в ночной клуб. Хочется встречаться с девушкой каждый день. Если без отдачи долга родителям, то денежек на два похода вполне хватит. Может, даже и на бензин чуть-чуть останется. Наверное, именно в таких ситуациях люди идут на преступления, соглашаются на самые безрассудные аферы. Я, конечно, далёк от этого, красивая девчонка совсем не повод вступать в мутные ситуации. А может быть, я взялся рубить дерево не по себе? Эта студентка так же далека от меня, как и я сам от «золотой молодежи».

Надо вставать, нечего расслабляться. Необходимо допросить оставшихся жильцов. Удивительно, но это преступление захватывает меня с каждым днём всё больше и больше помимо моей воли. В мыслях чаще не стройная и гибкая фигурка Вики, а убитая красавица. Кому она помешала? Что надо совершить, чтобы расплата была такой жестокой? Я уже прочитал допрос Ширы. Парень упорно стоит на своем и правильно делает. Это его единственный шанс. Немного потерпит, может всё и обойдётся. Его в момент убийства в городе не было, а это очень весомый аргумент. Конечно, можно сострять дело, подтянуть свидетелей, Семыгина на-

значить исполнителем, а Широва заказчиком. Версия будет выглядеть правдоподобно, но чтобы такое осуществить, надо иметь ума палату, быть крепким профессионалом. А я таких не наблюдаю, может, где-то в управе отсиживаются до поры, до времени.

От умных мыслей отвлек мобильник, затренькавший у меня на животе. Виктория решила пораньше позвонить? Скажет, наверное, что сегодня занята, и встреча откладывается. Но к моей радости, которая мгновенно пронзила душу, девушка сообщила, что одна пара у них отменена и через полчаса она будет свободна. Отлично! Через двадцать минут, если не попаду в пробку, буду на месте. Работа опять откладывается.

Боже мой, не все так просто. Боюсь сглазить, но, кажется, всё идёт как надо.

Мы сели в машину, когда мимо прошел её последний однокурсник. Мои шансы возрастают, хотя очень неудобно стоять под любопытными взглядами, чувствуя себя диковинным обитателем зоопарка, выставленным на показ любопытствующей публике.

– Куда везти прикажете?

– В кафе «Нептун». Пообедаем.

– У меня ни копейки денег. Заправился на последние.

Полная финансовая несостоятельность.

– Ничего страшного, у меня с этим нет проблем.

– Прости, я так не могу.

– Давай я тебе займу.

– Тоже не могу, уже назанимался. Через неделю получу зарплату и приглашу тебя в ночной клуб.

– Спасибо, конечно, но кушать хочется сейчас. Поехали в кафе. Не хочешь обедать, не обедай, а вот сопровождать меня обязан. Одна я в кафе не пойду. Кстати, может, ещё что вспомню, а то потом у меня времени свободного не будет.

Скрепя сердце, соглашаюсь. Не нравится мне всё это. Слава Богу, что я и в самом деле не голоден: хватило ума дома перекусить. Выработалась оперативная привычка, кушать не когда хочется, а когда есть возможность. Все эти современные забегаловки только снаружи такие демократичные. Если на входе меню нет, значит, цены могут шокировать по незнанию. В кафе «Нептун» полумрак, крахмальные скатерти и салфетки, красавицы-официантки. Это говорит о том, что заведение для определенного круга посетителей. Посторонних здесь точно не бывает. С Викторией здороваются, как с доброй знакомой. Выбираем столик у окна. Заказ наш очень прост. Экзотический салат и два кофе. Один со сливками для Виктории. Надеюсь, что на чёрный с сахаром мне денег хватит. Фарфоровая чашечка грамм на сто пятьдесят, если не меньше. Надо тянуть, пока не закончится обед. Вика смакует своё экзотическое блюдо. Наверное, вкусно, по крайней мере, лицо у нее довольное. И разговор начинает она. Я понимаю, хочет помочь мне, сраженному, по её мнению, этой ресторанной роскошью.

– Я тебе ещё кое-что расскажу про красавца Максима. Знаешь, он наркотики распространял в своем Доме Молодежи. Главным был по этой части. Попутно девчонок убалтывал на сладкую зарубежную работу. Ещё тот паренек!

– Потому Марина его и не жаловала, хотя парень красивый, при деньгах, со связями. С таким появиться на людях совсем не запахло.

– Ненавижу этот мерзкий жаргон. Хотя ничего удивительного, мир криминала и мир правопорядка всегда идут рука об руку.

– Прости, вырвалось.

– Кто сутенеров жалует? Сам понимаешь, какое отношение у нормальных людей к этой публике.

Обед закончен. Кофе допили, пора уходить, а совсем не хочется. Было предчувствие, что эта встреча станет последней. Кто захочет встречаться с нищим. Лёгкий перекус в ресторанчике не высшего класса ясно показал, кто есть кто. Салат и два кофе обошлись в пятьсот рублей. Я просто не представляю, какую зарплату надо иметь, чтобы ежедневно питаться в таком заведении, а в выходные посещать ночной клуб, не говоря уже о насущных проблемах, о том же бензине. Зациклился я на этом бензине, просто кошмар какой-то. Вот и женись после этого. Сама-то женитьба – вещь не сложная, может быть, даже приятная. А как потом жить на деньги, которые платит контора? Тот же начальник нашего отделения получает всего в два раза больше, чем я. Так он

майор и начальник, а то, что ездит на свежем джипе, совсем не показатель. Это его возможные проблемы в будущем и, возможно, неподъёмные. Я, наверное, не смогу сотрудничать с противоборствующей стороной. Предательство оно и есть предательство, как ни крути, самое гнусное дело в этой жизни.

А сейчас пора прощаться и уходить. Предлагаю отвезти девушку домой. Но она отказалась. У неё встреча, и она ещё посидит в этом уютном заведении. Если честно, я бы здесь задержался. В такой красивой и уютной обстановке душой отдыхаешь, все проблемы остаются где-то там, на улице. Прощаюсь, девушка улыбнулась дежурной улыбкой, я понял, не будет провожать взглядом до выхода. Что-то кофе разбудил аппетит. Заеду домой на полчаса, перекушу и отправлюсь опрашивать жильцов. У меня появилось предчувствие, что Максим при делах, наркотики – вещь серьезная. А вот с какого бока подойти – это задача с тремя неизвестными. А вдруг он заказчик? Вполне может быть, отомстил за унижения. Надо с собой парочку бутербродов прихватить, сегодня ещё заступать на дежурство.

Желанный, но бедный

Оставшись одна, Виктория заказала кофе, который слегка восстановил её душевное равновесие. Зачем он рассказал ей о своих денежных проблемах? Как зачем, ведь они шли в кафе. Ну, нет денег сегодня, будут завтра, вот проблема-то. А может быть и проблема... Он-то знает, что и завтра их у него много не будет. Может позволить себе разок сходить в клуб, но это усугубит его финансовое положение. Сказал же, что уже назанимался. Кошмар, такой симпатичный парень и на тебе, не имеет карманных денег. А может, он специально это всё выложил, чтобы раз и навсегда закрыть вопрос о встречах. Хотя было видно, что отсутствие возможности пригласить девушку в кафе, его огорчает так, что он готов отойти в сторону. Она вспомнила, как он слегка покраснел, когда она платила за обед. Второй раз парень не переживёт такого. Стоит ли комплексовать по такому пустяку? Собственно, почему пустяк? Откуда она знает, как чувствуют себя люди, когда у них нет денег. Виктория с такой проблемой не сталкивалась. Её родители – обеспеченные люди. Зачем ей забивать этим голову? Он молодой, руки и голова на месте. От него зависит, жить он будет или существовать. Сейчас миллион возможностей. Она просто уверена, что этот молодой мент ни за что не поехал бы на природу с её компанией, узнай, что все они едут не на родительских, а на соб-

ственных джипах. Сколько можно расстраиваться по поводу бедности, надо просто решать этот вопрос. Почему бы работу не найти с нормальной оплатой? Самое обидное, что он, скорее всего не позвонит больше. А жаль, он ей понравился. Она обратила внимание, как все девчонки в универе смотрели на них и завидовали. Жалко, мальчик оказался не её круга. Хотя... что ей мешает самой с ним созвониться? Ладно, время покажет, как развернутся события.

Итак, я знаю, что в Доме Молодежи торгуют наркотой. И что теперь? Где этой дурью сегодня не торгуют? В этом очаге молодежной культуры добровольно никто про Максима не расскажет. Надо принудить к откровенности кого-то из тех, кто контактировал, а может даже, и дружил с парнем. Надо запустить в этот мутный «очаг культуры» Олежку. Пускай пару раз потусуетя среди завсегдатаев, узнает, кто на острие продаж. Опять нужны деньги, чтобы «зарядить» пацана. Хорошо бы ему там с компанией появиться. Толпа молодняка вызывает меньше подозрений. Денежный вопрос снова решаю с Надеждой Петровной, правда пришлось открыть карты. Она, в принципе, не против, но не уверена в дивидендах от этой акции. Я, кстати, вяло начал убеждать, что если всё получится, то стукачок нам лишним не будет. Да и перепродать его можно ребятам из отдела по борьбе с нар-

котиками. Они люди финансово обеспеченные, так что мы можем спокойно все затраты вернуть. И снова из ящика стола она выуживает десять тысяч рублей. Интересно, сколько у нее в столе денег? Наверняка, эти не последние до зарплаты.

Для меня это была огромная сумма, а для Олежки – мизер. Он их за три дня спустил, да ещё столько же его кореша прогуляли. Но задачу за эти деньги пацан выполнил. Узнал, что приобретение «порошка» гарантировано, если швейцар (парень лет двадцати пяти спортивного вида) слово замолвит. Но можно прикупить и напрямую у диск-жокея, если тот к концу вечера нажрётся. Коньяк его слабость. Надо сказать, это случается с ним частенько, почти через день. Подходить к нему надо в самом конце, когда уходишь.

– Торгует, правда, малец порошком не очень высокого качества, – поделился секретом Олежка. – Кстати, диск-жокей Лёня – лучший друг Макса. Идти туда надо компанией. У тамошних ребят глаз набит на посетителей. Одного, да ещё не знающего молодежного сленга, не похожего на торчка, сразу вычислят. Уйдёшь, не солоно хлебавши.

Так наставлял меня секретный сотрудник уголовки, то бишь Олежка.

– Можно с подружкой, ну такой, поприкольней.

Я сходу определил на роль прикольной подружки старшего следователя Семенову. Оденемся в джинсу – и вперёд. Главное, влиться в этот праздник жизни, стать своими среди

чужих.

Капитан Семенова была категорически против этого задания. Но куда она денется, если Надежда Петровна приказала. Приказ есть приказ. Моя напарница была очень даже соблазнительна в короткой юбочке, бледно-розовой маечке, вызывающе обтянувшей её соблазнительные выпуклости, которые слегка скрывала потёртая по моде голубая джинсовая курточка. Парик с копной темно-рыжих волос натянут на самые глаза – и никто не определит, сколько лет моей спутнице. Её фигурке восемнадцатилетние позавидуют.

В первый вечер мы не форсировали событий. Просидев два часа в дальнем полутёмном углу бара, прикидывались нежно воркующими любовниками. Ещё через час выпили по паре не самых слабых коктейлей, и нас потянуло на танцы. Продолжение могло быть совсем не плановым, нас уже закружил яркий праздник. Но в последний момент, когда я хотел было заказать по третьему коктейлю, после которого всё бы пошло как надо (конечно, для меня лично), капитан Семенова напряглась, видимо вспомнила о служебном и супружеском долге, строго глянула на младшего по званию и приказала сворачиваться. Хорошего помаленьку.

Второй вечер прошёл по сюжету первого. Правда, задержались мы почти до конца дискотеки. Диск-жокей, присвоивший себе имя легендарного налётчика, худосочный Лёнька Пантелеев накачивался коньяком и всё никак не мог нака-

чаться. В этот же вечер мои руки как-то непроизвольно легли на прелести напарницы, такие соблазнительно упругие. Женщина дернулась, но не отстранилась. Доигрывая роль, вытерпела поцелуй в шею, а потом сверкнула глазами так, что всё вокруг могло запросто загореться. Я, разогретый коньяком, не придавал этому значения. Операция продвигалась более чем успешно. В моем кармане лежат две дозы от диск-жокея. Он «накачался» конкретно и потерял чувство страха. Напоследок я планирую рвануть «дури» в присутствии Семеновой. И снова всё получилось просто идеально. Утром сдал пакетики с вещественным доказательством Надежде Петровне. Она их документально оформила и благословила на продолжение операции. Всё прошло просто отлично, паренёк сам лез в расставленные сети.

В последний вечер, когда брали очередную дозу, в подсобку неожиданно ввалился швейцар Боря. Я уловил его настороженный взгляд, мол, почему в заветном месте посторонние. И мне не оставалось ничего другого, как задрать партнерше юбку, при этом жадно поцеловав её в губы. Семёнова подыграла очень натурально, даже не дернулась. И мне показалось, ещё мгновение, и её губы ответят на мой поцелуй. Швейцар успокоился: что взять с торчков, которые вот-вот прилюдно начнут трахаться. Такое здесь случается не так уж и редко. Зажав в одной руке пакетик с порошком, в другой грудь партнерши я вернулся с боевой подругой в зал. Все, можно сворачиваться, завтра с утра беседа с Ленькой Пан-

телеевым, после которой у него не останется выбора. Смотрю на молчаливую Семёнову и начинаю немного врубаться: не всё так просто, и не всё ещё закончено. Ее рука совсем не пытается высвободиться из моей. Два коньяка под шоколад помогли благополучно пересечь запретную линию. Горячая ладошка женщины снова в моей руке. Перебираю ее тонкие пальчики, касаясь губами каждого. Женщина закрывает глаза, её голова у меня на плече. И моим рукам разрешается всё. Десятым чувством понимаю, что стоит нам, вернее напарнице, чуть отрезветь, и всё разладится. И чтобы не затягивать момент, не рисковать внезапно свалившейся возможностью, которая, скорее всего никогда не повторится, я просто увожу коллегу из этого зала, наполненного грохотом музыки и табачным дымом. Ещё коньяку на посошок – и решение принято мгновенно. Такси мчит нас к стоянке, где стоит моя «Королка». Всего двадцать минут – и мы в моей машине уезжаем за город, на пустынный пляж. Заднее сиденье подарило нам блаженство, на которое, наверное, мы оба не рассчитывали. Боже мой, как страстно её губы отвечают моим. Не верю, что такое возможно в реальной жизни. Женщина – просто богиня во всех отношениях. Мне повезло несказанно. Кстати, это оказалось первым и единственным разом. Я, конечно, пытался стать её постоянным любовником, но не получилось. Она твёрдо сказала:

– Нет! То было случайностью: поругалась с мужем, он уехал в командировку, да и коньяк, поспособствовал.

В общем, мне только оставалось благодарить судьбу за тот любовный момент в машине, и облизываться на роскошную фигуру капитанши, которую так чётко запомнили мои руки.

По приказу Надежды Петровны, делаю контрольную закупку. Воскресным днем, как старый знакомый, прошу диск-жокея упаковать три дозы. Мол, ухожу в рейс, отгулял на берегу. Парнишка всё сделал отлично, оставил на упаковке пакетов кучу своих отпечатков. Взяли его перед дверью собственного подъезда, когда он вернулся после работы в пять утра. Был он, как ни странно, абсолютно трезв, что очень помогло в работе. Приятно иметь дело с такими трезвомыслящими товарищами. А куда ему было деваться, четыре раза подряд толкал «дурь» сотрудникам уголовного розыска. Показал ему все пакетики с отпечатками пальцев. А заодно обещал дать посмотреть и послушать видеоматериал и аудиозапись. С диктофона записи были, а вот видеоматериала не было и в помине. Не представляет подследственный всей бедности российской милиции. А коли не представляет, то верит, что вся подсобка была напичкана «жучками». Верит, значит, сотрудничает. Допрос я вел один на один. Так надежнее вербовать. А после, когда я выясню все по Максиму, он перейдет в личный фонд Надежды Петровны.

– Объясняю детали, молодой человек. Ты попал конкретно на срок до семи лет, плюс ещё обыск в вашем увеселительном заведении, арест швейцара Бори. Стрелки на тебе сходятся, выходит, ты всех сдал. Представляешь, какая у те-

бя перспектива незавидная?

– Здорово я лопухнулся. А ты ловко со своей телкой роль сыграл.

– Ошибаешься, ты не лопухнулся, ты сторел с потрохами. Если поклянешься, что тебе все по барабану, что ты зоны не боишься, и семь лет – это не срок, то я времени зря не теряю и отвожу тебя к начальнице. У неё тоже к тебе интерес имеется. Ну как, определился?

– А тебе что надо?

– Суший пустяк. Все честно и подробно рассказать про твоего бывшего коллегу Максима. Если напряжешься, и что-то криминальное из его биографии вспомнишь, то мы тоже напряжемся, и ты к восьми утра уже будешь дома в своей кровати, а вечером снова на любимую работу. Представляешь, как здорово! Бумажку, конечно, подпишешь о сотрудничестве, слишком серьезное обвинение на тебе висит. Так что не обессудь, но это твои будущие дела с начальником следствия. Меня только Максим интересует.

– Не обманете?

– Зачем? Мы по наркотикам не работаем. Врубаешься, почему мы тебя тихо взяли, вдали от любопытных глаз? Оперативную обстановку в твоём заведении будешь сливать, вот и всё. Подписывай договор о сотрудничестве, и поехали, я тебя домой отвезу. Доставлю туда, где взял.

Когда подготовительная работа проведена добротной, то никаких препятствий не возникает. Через полчаса обяза-

тельство о сотрудничестве было написано пареньком собственноручно и спрятано в сейф. Как и обещал, я повез нового секретного сотрудника домой. По пути и переговорили.

– Наркотики вас не интересуют? Вернее, причастность к ним Максима?

– О Максиме мне интересно всё. И криминал тоже. Вспоминай всё, брателло. Борись за свое счастье. Может, он кого изнасиловал, избил, покалечил? Антиквариатом приторговывал или золотишком? Может, наводчиком у домушников был или пистолет нелегально имел, может, другое какое оружие. Вспоминай, в этом твое спасение.

– Нет, с этим он не связывался. Нам порошка хватало. А вот пистолет у него точно был. Год назад, может чуть больше, где-то летом на нас наехали. Качество товара клиентам не понравилось. Да и как оно могло понравиться, если мы его на четверть бодяжим. Парни оказались крутые, уголовники. Одним словом, подоить нас решили конкретно. Подвалили к нам с серьезной претензией. Три дня разбирались. Но на проверку ребятки оказались невысокого полёта, и качество списали на поставщика. Этим дело и закончилось. И все три дня Максим с собой «пушку» таскал, самую настоящую. А что? Он парень резкий, у него дедушка знаменитый белорусский партизан

– Что за пушка? Какой марки?

– Я не разбираюсь, но явно не наша. Я таких и в кино не видел. Макс говорил, что это немецкий ствол и очень кру-

той.

– Молодец, это уже кое-что. Давай, вспоминай все подробности об этом пистолетике.

– Я потом, уже после замута, просил Максима показать пистолет. При случае пострелять, интересно всё же. Он обещал, вот только когда отремонтирует, у него что-то сломалось.

– И больше на эту тему не говорили?

– Да, был разговор, Максим сказал, что оружие ещё в ремонте. Одноклассник, сука, всё время тянет, не может там какой-то пустяк доделать. А потом как-то подзабылось. Да и Максим вскоре уехал. Вот, всё что знал, рассказал.

– Отлично, но если ещё что вспомнишь, тебе больше зачтётся. Твоя бумажка в сейфе у начальника следственного отдела Надежды Петровны. Теперь ты её раб. Мой совет, с наркотой завязывай, может, со временем и с нашего крючка соскочишь. А пока топай домой, в тёплую постельку. Представляешь, мог бы на нарах сегодня заночевать.

Последние слова напомнили пареньку о жестокой действительности, и он зябко поёжился. В тюрьму не хотим, а вот погадить, помутить – пожалуйста. Очередной секретный сотрудник милиции с большой радостью, покинул моё общество. С ним я больше не контактировал, просто он мне не понадобился. А вот Надежда Петровна в какую-то игру вляпалась, и совсем не на стороне правосудия. Когда через два года разгромят нарко-точку в Доме Молодежи, оказы-

вається одну из самых крупных в городе, отголоски дойдут и до нашего отделения. Надежда Петровна уйдет из органов в какую-то частную охранную структуру, на вольные хлеба, и совсем не по собственному желанию. Поговаривали, что у неё там была доля. Швейцар Боря загремит по полной. А вот Лёнька Пантелеев открутится. За месяц до разгрома он уволится и тихо исчезнет в неизвестном направлении. Скорее всего, начальница сдернула его с дела, как никак, а он видимо самый конкретный её минус в этих наркоделах. Только он мог засветить начальницу. Но это будет потом, и мне, по большому счёту, совсем неинтересно. В деле высветился возможный вещдок, который может привести к раскрытию преступления.

Ещё раз штудирую список одноклассников Максима и без труда вычисляю Славу Медведева, местного самоделкина. У которого руки растут, откуда надо, и прямо золотые. Парень отслужил в армии, сейчас трудится в автомастерской в центре города. Так что спешу навестить эту мастерскую, чтобы познакомиться с умельцем. Сама мастерская, всего на три легковые машины – бывший ведомственный гараж какой-то городской конторы. Приземистое здание из красного кирпича находится во дворе сталинской монументальной пятиэтажки. Невзрачное с виду, внутри оборудовано по последнему слову техники. Три подъёмника и яма под большегрузный транспорт. В дальнем правом углу – токарный станок, в левом – сверлильный, я в них не очень-то пони-

маю. Всё солидно и капитально. Встречает меня сам Слава, узнаю его по общей школьной фотографии. Сухопарый паренёк под метр восемьдесят, в шикарном темно-синем комбинезоне, явно заграничного производства. Судя по спецодежде, он сам грязной работой не занимается. В гараже больше никого нет. Начинаю без предисловий, показываю удостоверение и прошу уделить пару минут. Парень улыбается, совсем не напуган.

– Да хоть два часа. У нас сегодня работы нет, всех отпустил по домам.

– Скажите, кто хозяин этой мастерской?

– По документам мой отец, а фактически я заправляю.

– А где работает отец?

– В паромоходе, стармехом. Что ты всё на вы, мы вроде одногодки. Кстати, чем это я милицию заинтересовал? Криминалом не занимаюсь, – парень улыбнулся широко и открыто.

– Занимаешься. Да таким, что можешь и не выкрутиться.

– Очень страшно. Не пояснишь, в чём дело?

– Объясняю, попробуй вникнуть в суть. Убили очень высокопоставленного человека. У нас в городе, да и в крае, таких просто нет и быть не может. На ухах вся Москва стоит, не говоря уже о нас, местных.

– Москва на ухах стоит? По идее, таким делом должны люди более серьезные и опытные заниматься, а не какая-то «зелень» оперативная. Извини за высказывание. Я-то

при чем?

– Москвичи грязной работой не занимаются. Они любят кричать и ножками топать. Расследуем мы, рядовые криминального фронта. Нам-то терять пока нечего.

– Значит, ты рядовой?

– лейтенант. Напрягись и слушай главное. Мы вышли на ствол. Пистолетик немецкий, очень старый. И, кстати, был в нерабочем состоянии. Что-то в нём сломалось. Техника есть техника, особенно старая.

Внимательно наблюдаю за собеседником. Парень перестал улыбаться, в глаза не смотрит, задумался крепко. Видно, въехал в ситуацию. Я продолжил не спеша:

– Так вот, сейчас спецы разбираются, что там умельцы местные сделали, чтобы пистолетик бабахнул. И не просто бабахнул, а громыхнул на всю страну. Думаю, разберутся. На тебя как на ремонтника один кадр указал почти под присягой.

– Мало ли кто что сказал. Это доказать надо... Времени прошло много.

– Если тебя в оборот возьмут, мало не покажется. Мы же не в Америке живем, права человека у нас на африканском уровне. Нашим что человека придавить, что муху – небольшая разница, как мент тебе говорю. Так что сильно на адвокатов не надейся. Мне лично по барабану, ремонтировал ты этот ствол или нет. Расскажи без свидетелей и протокола всё про Максима и этот пистолет. И я оставляю тебя в покое. Уй-

ду, если, конечно, ты кроме ремонта ствола ни в чём не замешан. Начнёшь крутить, мутить, тобой другие люди займутся, более опытные. Возможно, со склонностью к садизму. Лично я тебе обещаю, что не засвечу. Мы же из одного города, должны друг друга поддерживать. Думай земляк, думай.

– Убедил, что тут скажешь. Делал я этот пистолет, немецкий «Вальтер», калибр девять миллиметров. Боёк новый вытачивал. Долго сталь нужной марки найти не мог. Максим десять штук рублями заплатил. И через пару дней мы на шашлыки выбрались. Уехали на острова на сутки. Кстати, с нами три девчонки были. Симпатичные и безотказные. Вот вшестером и гуляли. А про пистолет я больше не слышал. Да и Макса я больше не видел.

– Кто был шестым?

– Охранник из Дома Молодежи, такой здоровый, зовут Борей.

– Вот видишь, как всё хорошо получилось. Я узнал, что надо, и к тебе претензий нет. Постарайся оружие больше не ремонтировать, опасное это занятие.

– Да уже понял я свою глупость. Больше не повторится. Если что, заскакивай, сделаем тебе тачку по высшему разряду. У меня тут лучшие специалисты в городе работают.

Все просто отлично. Осталось только с Максимом переговорить и узнать, кому это он пистолетик подарил или продал. Сердце трепыхнулось от радости, дело явно идёт к раскрытию. Но парнишка в Москве и придётся доложить резуль-

тат расследования Надежде Петровне, она уже решит, что делать. Неплохо бы в Москву слетать, самому потрясти красавчика. А то я ещё не был в столице нашей Родины, а очень хочется.

На следующее утро доложил Надежде Петровне, что имеется подозреваемый, возможный владелец пистолета Максим Привалов, в данный момент проживающий в Москве, куда его папашу по работе перевели.

– Это всё со слов нашего нового агента, который якобы видел ствол, но в руках не держал. Этот пистолет, может, давно покоится на дне морском, что тогда? Упрутся, откажутся и всё. И вес папаша Привалова очень даже солидный. Спокойно сынка прикроет. Максим-то точно не убивал девушку, а это главное. Хотя у него причина разобраться с девушкой имеется. Окружение убитой намекает на неразделённую любовь. Он страдал, а она была холодна и равнодушна да ещё постоянно унижала. Так, в конце концов, он переморщился бы и забыл красавицу. Ан нет, она его то выгонит, то снова к себе подпустит, издевалась конкретно. И так бесчисленное количество раз. Вот и повод решить все жёстко, по-мужски.

Надежда Петровна слушала, не перебивая.

– Всё это ерунда. Слова, ничем не подтвержденные. Любой мало-мальски грамотный адвокат размажет нас по стенке. Нагоним волну на большого человека, а это окажется пустышкой. У Привалова связи громадные. Он официальный долларовый миллионер. Без доказательств нечего к нему

и его сыночку соваться, себе дороже получится.

– Надо ехать в Москву и переговорить с Приваловым-младшим на неофициальном уровне. Если грамотно разговор построить, то парень может всё выложить, если, конечно, он не при делах, что более вероятно. Может и пистолет оказаться фуфлом, если Максим скажет, что у него пугач пневматический видели. Надо с ним беседовать конкретно, без всяких протоколов. Пора «колоть» парня неофициально.

– Намекаешь, что всё это проделать сможешь только ты и никто другой?

– Я не намекаю, я прямо говорю, что у меня это лучше получится. Десять дней погоды не делают. Все уже успокоились и смирились с висяком.

– Завтра попробую решить этот вопрос с вышестоящим начальством. А больше никаких версий нет?

– Полный ноль. Может, у мужика какие-то грешки были, но это не наш уровень. Если честно, то я и в Привалова не сильно верю. Не тянет он на заказчика, не тот калибр, как говорится. Толку-то гадать, надо ехать. Можно, конечно, московских товарищей привлечь, но тогда и вся слава им в случае успеха. Повторяю, на положительный результат я не рассчитываю, но вдруг повезёт.

Наверное, также думало и наше начальство, так что командировка состоялась. И была, кстати, прилично обеспечена финансово, в смысле командировочных. Вот только жить пришлось в ментовской общаге, с кухней и прочими удоб-

ствами в коридоре. Поехало нас трое, кроме меня майор и капитан из управы. Поговаривали, что они западники, поехали за госсчёт посетить родные места. Эта версия имеет право на существование, так как все десять дней в столице я тусовался в одиночку. Старших коллег я увидел только в день отъезда. Как я и предполагал, вариант с Приваловым оказался пустышкой.

Направляясь в Москву, я уже знал адрес Максима, так что на второй день сел к нему на хвост. Времени предостаточно, понаблюдаю дней пяток и приступлю к выполнению миссии, которая может свестись по большому счёту к простой беседе. До обеда всё спокойно и неинтересно, парень на учебе. Потом обедает в ресторане с друзьями-однокашниками и отбывает домой. А к девяти вечера едет в ночной клуб, где работает диск-жокеем. Зажигает, человек-праздник. Раскатывает паренек на новеньком «Вольво». Умно поступило начальство, поселив меня среди своих. Коллеги помогали летехе с Востока чем могли. Такой же, как я, лейтенант Жора подсобил с машиной в первые два дня. Покатал на своих убитых «Жигулях», пока я выпасал Макса, изучал его график передвижения. Парень оказался совсем не рвачом, взял всего тысячу за суету, ну и заправка, естественно, за мой счет. Да пару вечеров провели в приличном баре, так сказать, укрепляя дружбу между столицей и далёкой окраиной. Три вечера в клубе не дали компромата на Привалова. Он только начинал вечер, а после одиннадцати совсем исчезал

из зала. Видимо совмещал работу диск-жокея с какими-то другими обязанностями. Наркотиками здесь, конечно, баловались и совсем не хило, но бомбануть клуб с налёта, с наскока не получится, нужна серьёзная подготовка. Да и всё это пустая фантазия. Просто не разрешат. Надо быть дураком и не понимать тонкостей. Если все такие заведения на сто процентов грешат наркотиками, и им разрешают, то значит, это кому-то очень и очень выгодно. И просто так, по зову мелкого мента с окраины, никто не кинется немедленно наводить порядок.

Система покупки порошка отработана до мелочей. Из рук в руки никто «дурь» не передает. Всё, как обычно, начинается со швейцара. Подходишь к нему, и если он не обнаружит на твоём лице ничего подозрительного, то отправит к охраннику. Тот забирает деньги и отправляет к другому, и уже тот, другой, провожает тебя до места, показывает, где заныкана доза. Её ты забираешь сам, провожатый в этот момент исчезает. Всё под контролем видеокамеры. В общем, тут самодетальность не пройдет, вопрос надо решать по старой и проверенной методе. Она, конечно, козья, но у меня другого выхода нет. Да и надо мне всего-то пятиминутное откровение земляка. Если всё пусто, то я не буду дело о наркоте дальше проталкивать. Понимаю, торговать наркотиками очень плохо, но и покупать их тоже не очень хорошо. Человека никто не заставляет идти на поводу своих слабостей. Ещё пару дней понаблюдаю, скорректирую детали и нанесу

удар. Надо будет ребят из общаги привлечь, чтобы они прикрыли от охраны. Вся эта моя самодеятельность абсолютно незаконна. Коллеги-менты только свидетели и, в крайнем случае, прикрытие. Три человека, включая Жору, согласны. А почему бы не согласиться потусоваться за чужой счёт в приличном клубе. И выступить в качестве свидетелей. Если уж вдруг станет жарко, то удостоверениями потрясти. Вряд ли найдутся там безбашенные, чтобы с четырьмя ментами связаться. Всё планируется на вечер субботы, когда самое разгульное веселье. У меня три дозы, купленные за прошедшие три вечера. Это, так сказать техническая сторона дела. С собой только удостоверение и вид скромника-провинциала, желающего слегка прикоснуться к сладкой московской жизни. Наблюдение за объектом вывело одну очень даже неплохую закономерность. Максим покидает заведение всегда под кайфом. Следуя из этого, посещаю ближайшее отделение милиции и договариваюсь с его начальником, майором Волковым. Он не против, если завтра я доставлю в отделение на законных основаниях человека, употребившего наркотическое средство, и организует медэкспертизу. Итак, завтра решающий день, посмотрю, куда меня личная инициатива выведет.

Идеальный момент для задержания появился около двух ночи. Мой землячок оказался в толпе танцующих. Я дал сигнал сопровождающим, они мгновенно напряглись, оказавшись совсем рядом. Максим разговаривал с красивой де-

вушкой, весело смеялся. Я выждал мгновение, когда белокурая красавица отвернется от парня, потянул того за локоть. Максим непонимающе обернулся, успел изобразить на лице негодование, и всё – правым в дыхалку я выбил из него сознание. Музыка продолжала греметь, но танцующие рядом мгновенно остановились. Прикрытый товарищами, я быстро вложил в ладонь парня пакетик с порошком, а в передний карман джинсов еще два. Появившуюся охрану тормознул удостоверением и громовым криком:

– Назад! Уголовный розыск.

Охранники остановились мгновенно. Я вытянул руку бездыханного Максима и показал всем белый пакетик два на два сантиметра, который многим здесь был знаком. Бумажный, наподобие аптечного, так в древности порошки упаковывали. Помощь подельников не требовалась, но они стояли рядом, всем своим видом показывая, что они тоже при деле и тоже из ментовской конторы. Да в этом никто и не усомнился. Не надеясь ни на что, я всё же выкрикнул в зал:

– Свидетели есть?

И чудо – небольшого росточка черноволосая девушка выступила вперед.

– Девушка, вы подтверждаете, что в руке этого человека находится наркотик?

Она согласно кивнула головой, и мы всей компанией покинули заведение. Откуда она могла знать, что в белом пакете наркота? Не знает, а подтверждает. На всё про всё

ушло десять минут. Максима я тащил на себе, он совсем вяло перебирал ногами. «Жигуленок» доставил нас в отделение, при понятых сделали обыск, и на свет появились ещё два таких же пакетика. Девушка подписала все бумаги, думаю, это она сделала из мести. Чем-то обидел её красавчик. Она уехала вместе с моими коллегами, те пообещали доставить её до дома в целости и сохранности.

Пока задержанного возили на медэкспертизу, я с дежурным старлеем пил кофе, радуясь в душе, что пока всё идет отлично, точно по сценарию. Через час приступил к допросу по всем правилам криминальной науки. Представитель «золотой молодежи» уже пришёл в себя и взирал на меня с пренебрежительным высокомерием.

– То, что ты задержан при попытке продать наркотик, меня не волнует. Этим местные товарищи займутся. Я не против, если ты с ними договоришься. При условии, конечно, что честно ответишь на мои вопросы. Я, кстати, из твоего родного города, видишь, из какого далека прибыл?

Парень глянул заинтересованно, но ничего не ответил, видно, решил играть в молчанку, надеется что в клубе подняли «волну», и помощь от папочки прибудет незамедлительно. А меня его молчанка совсем не устраивает. Чем я быстрее его разговорю, тем у меня больше шансов. Влияние его папаши совсем не стоит сбрасывать со счетов. Заодно проверю характер, мог он пойти на преступление или нет.

– Надеешься на родителей? Думаешь, вытащат и отма-

жут от любого преступления, ведь так? Нам с тобой проще договориться, – парень упорно молчит. – Ну, ну, продолжу в том же духе, посмотрю, на сколько тебя хватит. Ты, сучара конченная, в моём родном городе торговал «дурью» и здесь продолжаешь. За это ответишь прямо сейчас. Посмотрим, какой ты стойкий боец.

Я подошёл к сидящему на табурете парню и залепил ему такую оплеуху, что тот слетел на пол. Снова усадил на табурет. Конечно, я нарушил все, что можно нарушить. Мне и самому неприятно, что я его ударил. Успокаиваю себя тем, что на улице бьют гораздо жёстче. А это совсем немного за его наркобизнес. Но вспоминается избитый до синевы Шира. Мне тогда было просто стыдно за своих коллег. А когда на ночном дежурстве навестил в камере задержанного в краже мобильного пацана, увидел жуткий страх в его глазах, просто растерялся. Я не хочу внушать людям ужас только своим появлением. А вот сегодня сделал первый шаг к этому. И совсем скоро не буду ничем отличаться от своих старших коллег. Может быть, во мне сейчас сыграла классовая ненависть? Ведь будь я одним из них, отношения с Викой сложились бы куда удачней. Но отступать-то некуда: если вернемся с пустыми руками, выходит, зря ехали за тысячами верст. Подхожу к парню вплотную, тот сжимается, ждёт удара. В глазах пляшет страх, смотрит на меня уже заискивающе, отчего мне вдвойне неприятно. Если человек не сломлен, он даже смотреть на тебя не будет. Уставится в пол,

ожидаю любого продолжения, пусть даже самого страшного. Душу пронзила простая и ясная мысль: я этим заниматься не хочу. Но не хочется заниматься в общем, это не значит прекратить заниматься в частном. Так что, продолжаю свою партию.

– Ну как, брателло, будем говорить или молчать? Смотри, пока твой папочка примчится выручать беспутного сыночка, тому уже почки отобьют и скажут, что так и было. Представляешь, от твоей красоты ничего не останется, будешь ходить с вечно опухшим лицом. У нас в ментовке с этим просто.

Смотрю на него, не мигая, как удав на кролика. Стараюсь придать себе свирепый вид, в чём, наверное, и преуспеваю. Парень неожиданно заплакал. Видно дошло, что папа далеко, а я совсем рядом. Сразу же меняю тон. Теперь я хороший и душевный мент, который всеми силами пытается помочь узнику.

– Ну-ну, не надо слёз, ещё ничего страшного не произошло и, возможно, не произойдёт. Отвечай честно, и мы вместе подумаем, как тебе выпутаться из этой очень плохой ситуации. У меня к тебе всего один вопрос, от которого зависит вся твоя жизнь. Расскажи про немецкий «Вальтер» девятого калибра.

– Какой «Вальтер»? Ничего у меня нет и не было.

Парень испугался сильно. Знает, сука, где его ствол бабахнул. Знает, что его подружка погибла.

– Да тот самый, который ты ремонтировать отдавал одно-

класснику. Слава уже во всём признался. Сказал, что заменил в нём пружину и боёк новый выточил. Пойми, дурья голова, дело-то очень серьёзное. Из тебя все равно этот ствол вытянут, но только вместе с кишками, и твой папочка не сможет. Потому как из этого пистолета убит очень важный человек, которому твой родитель и в подметки не годится. Подумай хорошо. Я не тороплю. Тебя в момент убийства в городе не было, так что, по большому счёту, ты в стороне. Скажи, кому продал пистолетик и мы, что вполне возможно, тихо разойдёмся.

Было видно, как парень напряженно думает, борется с собой: рассказать или нет.

– Рассказать тебе все равно придется, и никуда ты не денешься.

И Максим внял моим убеждениям:

– Пистолет мой, я его в Белоруссии нашёл. Там у меня родственники. А где потерял, не помню.

– Потерял, так потерял. Подробней про потерю расскажи. Как это можно потерять такую объемную и тяжелую вещь?

А душу накрыла грусть-тоска. В глубине этой самой души понимаю, так оно и есть, парень не врёт. Ну а если так, то раскрываемость этого дела снова приближается к нулю.

– У нас ещё дома «наезд» случился. Одна левая бригада нас прессовала.

– За продажу некачественных наркотиков?

– Ну, примерно... Вот пока эти тёрки шли, я и таскал с собой «пушку». Потом всё вроде улеглось, с нас вину сняли, и я на радостях набрался.

– Напыхался, наверное.

– И то, и другое. В клубе коньяк пил, а на улице раскумарился. И, конечно, вырубился во дворе дома на лавочке. У меня в этом доме подруга жила, я к ней и припёрся. А она не пустила меня к себе. Часа через три, под самое утро, очухался и домой отвалил. Потом ещё целые сутки в себя приходил. Вот тогда и вспомнил про пистолет, а его у меня уже не было.

– Думаешь по пьяни где-то выронил? – закидываю провокационный вопрос.

Но парень отвечает честно, не идёт на подброшенную мной подсказку:

– Он просто не мог сам выпасть из спецкобуры. К тому же ремешком был пристегнут к поясному ремню. Думаю, его забрали, когда я был в отрубоне. Но опять же, права на месте оказались, как и портмоне с приличной суммой. Всё так и было, я клянусь.

К сожалению, парень кажется не врёт. Расследование снова уперлось в тупик. И совсем нет смысла подтягивать этого кадра вплотную к следствию. Он своё дело сделал: привёз пистолет и благополучно потерял. Пусть пока гуляет, его всегда можно будет достать, конечно, при острой необходимости.

– Слушай сюда: я пока шум из-за пистолета поднимать не буду. Я тебе верю, поэтому пока гуляй. Но этот ствол я обязательно отыщу, и если ты соврал, утаил что-то или, не дай Бог, продал, то не обессудь, разговор будет крутой. Мы подтянем тебя к делу по полной. Еще раз спрашиваю, ничего не утаил?

– Как на духу, честное слово, всё так и было. Кстати, может тебе деньги нужны? Я-то знаю, как в милиции платят. Могу подкинуть.

– Исключено, дорогуша. Траты твои впереди, тебе за наркоту придётся откупаться от местных. Судьба в моем лице шлёт тебе предупреждение, так что думай, пока ещё не поздно.

– Обязательно подумаю. Слушай, лейтенант, выручи уж до конца. Дай сотик на минутку.

Я отдал телефон и ждал, пока парень расскажет родителю, в каком он отделении, ничего с ним страшного не случилось, но финансовая помощь нужна и срочно.

Старлею я сказал, что задержанный меня больше не интересуется, в нашем расследовании он не при делах.

– Сруби с него бабок, сколько положено и отпускаяй. Наркоту-то я ему подсунул. Кстати, через полчаса здесь будет его папочка – долларовый миллионер. Я думаю, он легко выкупит убойные протоколы на сыночка.

Дежурный врубился сходу, предложил и мне до конца участвовать в этой игре, а то как-то некрасиво получается,

мол, дело организовал, а от премии отказался. Оказывается, выкуп называется премией. Я его сдержанно поблагодарил и отправился по своим делам.

Вернулся домой через десять дней. Лететь самолетом вместе с коллегами отказался категорически. Боюсь летать. Ну, как говорится, боишься, так боишься, добирайся поездом. Качайся неделю в вагоне. Утомительное занятие, конечно, зато целая неделя полного безделья: ни забот, ни тревог. Да и Россию посмотрю, когда ещё такая возможность представится. До Урала было скучновато, а вот от Новосибирска очень даже весело. Вагон наполнился перегонщиками. Молодые, спортивного вида ребята зарабатывали на жизнь перепродажей машин. Купил, перегнал, продал. И так круглый год, один на один с погодой, разбитой дорогой и другими мутными прелестями нашего такого же мутного жития. Познакомились, водки попили и адресами обменялись. Обещал помочь при случае, мало ли, какие заморочки могут возникнуть у ребят в чужом городе. В общем, получился у меня настоящий недельный отпуск.

Появился на службе в расстроенных чувствах; доложил, что парень не при делах: не видел, не слышал, не приобретал и не продавал. Всё логично, кто захочет добровольно на срок раскручиваться, имея за спиной очень влиятельного папашу. Самое удивительное, но начальство восприняло эту неудачу спокойно, ну не получилось и не получилось. Ничего, мол, не поделаешь, если одна из версий оказалась пустышкой.

Снова однообразная текучка милицейских будней таких серых, когда выпивка – одна радость и единственный праздник жизни. Я не участвую в таких мероприятиях, а значит, закономерно отделяюсь от коллектива. Ко мне обращаются только по необходимости, только по работе и не больше. Как-то посидел часик с сержантами, выпил сто граммов хорошего коньяка и выслушал поучения, что веду себя неправильно, пора определяться и прибиваться, наконец, к какому-то краю. Пора становится своим среди своих. Многим кажется, что я смотрю на них свысока, и что я человек в милиции временный, если не сказать случайный. Такие как я, обычно уходят в адвокаты или начинают работать против своих в службе собственной безопасности. Я всё понял и, конечно, не возражал. В адвокаты не собираюсь, тем более в СБ. Пообещал подумать и исправиться. А что тут думать, уходить надо, пока дров не наломал.

Не могу отключиться от последнего дела. Думаю о нём чуть ли не круглые сутки. Так и до дурдома недалеко. И всё мне кажется, что разгадка совсем близко, а я прохожу рядом и не вижу. Чтобы скинуть проблему, её надо решить.

И только напрягся, чтобы подойти к делу нестандартно, как одно очень приятное событие снова выбило меня из колеи. Событие не просто хорошее, а сногсшибательное, заставившее сердце замереть от счастья. Мне позвонила Вика и долго рассказывала, как ей плохо, скучно и одиноко. Не очень в это верится, но слушать мелодию ее голоса го-

тов сутки, боюсь прервать, боюсь вставить слово. Опираясь на небольшой милицейский опыт, ждал, когда девушка выговорится и перейдёт к главному, к конкретному, и дождался. Вика спросила, чем я вечерами занимаюсь. Я ответил, как ей хотелось: сижу по вечерам у телевизора или компьютера, если не на дежурстве. Но на дежурствах через день, так как людей у нас не хватает. В общем, тоже скучно и неинтересно. Оно и недалеко от истины, вот только почти каждую ночь провожу с соседкой, у которой муж сейчас в рейсе, и у нас полная свобода действий. Не рассказываю, что мама по этому поводу на меня сердится и не разговаривает, отец посмеивается, но тоже, кажется, осуждает. По крайней мере, всё намекает, что мне бы пора завести ровесницу да жениться. Меня самого пугает привязанность к этой миниатюрной женщине, боюсь, что никогда не смогу от нее оторваться. От ее божественной близости я просто теряю силу воли. Хоть это и великолепно, но паутина, в которой я запутываюсь, держит меня всё сильнее и сильнее. Говорят, клин клином надо выбивать. Наверное, Виктория смогла бы это сделать. Слушаю её голос, представляю её лицо и все сильнее хочу увидеть её. Робко предлагаю встретиться, ведь нам обоим грустно и скучно. Она выдержала минутку, как бы раздумывая, и предложила тот же ночной клуб. Отлично, тем более, у меня скопилась небольшая сумма, и мне не надо ни на какое дежурство. Кажется, опять повезло, сам-то я никогда не решился бы позвонить первым.

Прошло почти два месяца после нашей последней встречи, на дворе сентябрь, ещё по-летнему теплый. Я заехал за ней в одиннадцать вечера, и мы снова были в джинсах и батничках, правда добавив к ним лёгкие пуловеры. И как ни странно, у нас у обоих они светло-серого цвета. Вика такая же красивая, я с трудом верю, что она со мной, и я, в общем-то, могу уже назвать её своей девушкой.

Вечер в клубе удивительно спокойный, и мы не пропускаем ни одного медленного танца. Больше молчим, какие могут быть слова, когда голова Виктории на моём плече. И я щекой чувствую её дыхание. Ритм танца заставляет нас иногда плотно прижаться друг к другу, и я понимаю, что моя спутница совсем не против этого. Так же как и в первый раз, пью апельсиновый сок и совсем не хочу коньяка. Зачем мне поднимать настроение, если я и так на седьмом небе. Так же как и в прошлый раз, мы рано уехали из клуба, и как тогда, в два ночи, были у её подъезда. Но в этот раз я проводил Вику до дверей квартиры. Поцеловать девушку, даже в щёчку, я почему-то не решился, как и не решился обнять. Попытку, конечно, слабую сделал, но девушка гибкой змейкой выскользнула из моих рук.

– Когда встретимся?

– Когда в кино пригласишь, тогда и встретимся.

Девушка засмеялась и скрылась за дверью. Я сел в машину и отчетливо понял: Вика моя женщина. Всё у нас получится, всё будет хорошо. Я в предчувствии очень близкого

счастья: и в жизни все будет отлично, если меня выбрала такая женщина.

А на работе у меня новое дело. Кто-то сильно избил заезжих коммерсантов, занимающихся автобизнесом. Парни снимали квартиру в нашем районе, и заявление подали, так сказать, по месту жительства. Поначалу казалось, что раскручу это преступление легко и быстро, а вот на деле сразу всплыли признаки всяка. Все альбомы с фотками ныне действующих гопников оказались не у дел. Нападающие, а их было шесть человек, одеты в кожаные короткие курточки, мотоциклетные шлемы, закрывающие лицо, армейские ботинки с высоким берцем. Прямо какая-то военная организация, наподобие неонацистов. По обширной базе данных в нашем регионе не было приличных неформальных объединений. Так себе, молодежная самодеятельность в зародыше. А эта шестерка действовала очень профессионально. По словам потерпевших, все нападающие были очень хорошо подготовлены физически, владели приёмами рукопашного боя. Сами коммерсы – бывшие спортсмены и в единоборствах разбирались. Но они почему-то больше отмалчиваются, и мне думается, что они знают гораздо больше. И скорее всего, просто боятся – им, как-никак, работать и дальше в нашем городе. Кстати, в милицию заявили врачи, а не сами потерпевшие. Администрация авторынка от комментариев отказалась, у них все хорошо, все отлично. И ни у кого к ним никаких претензий. А что за территорией рынка творится –

это не их дело. Вы – милиция, вы и разбирайтесь, это ваши проблемы. Дело буксует и снова попадает под контроль управления. Власть панически боится мало-мальски организованных сообществ. Очень болезненно реагирует на их появления. Старается сразу в корне их уничтожить. Недельку потолкавшись среди автомобильного бизнесменов, собрав кое-какие факты, доложил версию начальству. Да и не версия это, а стопроцентный факт. Очень хорошо организованная банда собирает налог с приезжих автодилеров. И собирает так профессионально, что никто не дергается, не сопротивляется, не заявляет. А пострадавшие сибиряки понадеялись на свою силу, все, как-никак, бывшие борцы и боксёры. Результат плачевный, кончилось больницей. Против них применили дубинки, электрошокеры, кастеты. Шансов победить у спортсменов не было, нападающие были лучше вооружены и более профессиональны. (Другая разборка наступит не скоро, когда ещё появятся перегонщики, несогласные платить, особенно после такой демонстративной акции устрашения). В районе рынка опрашивать людей бесполезно, а вот за последним постом ГАИ, за городом – другое дело. У многих перегонщиков поездки носят разовый характер, берут машины для себя. Так что таким терять нечего, когда они появятся ещё в этих краях.

Второй день дежурю у трассы. Интересующие меня машины идут хоть и не сплошным потоком, но очень даже часто. Результат один к десяти. Каждый десятый подбрасыва-

ет немного информации. Картина вырисовывается примерно такая: хорошо организованная группировка берет с каждой машины, купленной на рынке, по сто долларов, так сказать, налог на развитие бизнеса. Поначалу несогласных было больше, но их быстро успокоили. Милиция тормозит на трассе для проверки документов, а после, километров через пять, пара мотоциклистов цепями уродует машины. Всё это на ходу, на большой скорости. Кстати, и база данных имеется на тех, кто не заплатил. С них, если они появляются ещё раз, берут деньги с учётом набежавшего процента. Так что получается уже раза в три больше. Всё понятно, милиция в этом деле в полный рост. Против власти никто из местных, конечно, не пойдёт, так что на них рассчитывать не приходится. Надо искать залётных, которым всё по фигу. Надо будет созвониться со знакомыми из Новокузнецка, с кем ехал в поезде из Москвы. И снова удача, они как раз через неделю выезжают за новой партией машин. Обещаю встретить, номер поезда и вагона сообщат. Довел свою идею до начальства: встретить ребят за трое суток до места и не спеша всё выяснить. В вагоне, под водочку, может, что и расскажут. Надежда Петровна, в общем-то, согласна, но заявила, что все расходы только по конечному результату. Она за последнюю мою поездку замучилась отписываться, ведь результат нулевой. Ну а если всё сложится удачно, то премия гарантирована. Сумма нужна небольшая, думаю, что мне её родители выделят. Я загорелся, мне самому интересно новое дело. Тем

более, с командировкой. Оказывается, мне разъезды в кайф. Отправился с лёгкой душой и уверенностью, что всё получится. Да и не может не получиться, деньги-то родителям надо отдавать. Эта хроническая нехватка финансов меня напрягает постоянно. Куда ни сунься, везде надо платить, судорожно копеечки пересчитываешь. Идешь с девушкой в кино и трясешься, хватит ли на два кофе и одно пирожное.

Всё получилось отлично, прилетел в Иркутск. Ночь переночевал в гостинице и следующим утром сел в новосибирский поезд, в нужный плацкартный вагон, на две трети заполненный перегонщиками. Знакомым объяснил, что перегонял машину в эти края. Уже на следующий день рассказал, что с меня на рынке взяли сто долларов за какой-то непонятный налог. Парни успокоили, всё правильно, они тоже платят. Кому охота с ментами связываться? Втёмную ничего не сделаешь, так что я открываю карты. И удивительно, соглашаются мои новокузнецкие знакомые сразу: навредить милиции – святое. Все они крутятся на грани фола, и, конечно, прижались ближе к криминалу, чем к закону. В целом договорились: они платят отказываются, сбиваются в большую колонну и едут. Я рядом, на связи.

По приезде пошёл в службу собственной безопасности, перепрыгнул, так сказать, через голову своего начальства. Ничего страшного, зато гарантированный результат операции. Я подбил людей на акцию, значит, за них отвечаю. Да и мне очень не нравится, когда на своих нельзя положиться.

Недавно приказ зачитывали. В нашей ментовской охране косяк крутой случился. Трое охраняли объект. Один услышал подозрительный шум, решил проверить. Дали ему по голове дубинкой, сделали инвалидом. Оказывается, двое напарников замут устроили с уголовниками, что-то продали с объекта. Это всё равно, что свои в спину выстрелили. Так что с предателями надо разбираться максимально жёстко. Здесь не может быть полутонов – либо белый, либо чёрный. Что называется, определись.

С начальником СБ согласовываем первое возможное место нападения на колонну. Все машины соберутся в автосервисе на окраине города. Место для засады просто отличное. В пятидесяти метрах от сервиса – автостоянка, прикрытая глухим забором, поверх которого колючка. Идеальное место для разборки. На трассе проблем у нападающих больше, народ готов к нападению, может и милицию сразу вызвать. А если учесть, что рэкетилов будет больше десятка, на машинах, то и уходить им сложнее. Дорога в воскресенье пустая, не затеряешься, если её перекроют быстро и в нескольких местах, и нет рядом параллельных, второстепенных дорог. А тут налетели, пять минут поработали и скрылись.

На этой стоянке ночевали купленные раньше машины. Перед самой мастерской, современным зданием из сэндвич-панелей, большая площадка, на которой парни выстроят тачки в ожидании диагностики. Дорога дальняя, и эта мера вынужденная. Сервис на два подъёмника, так что всё займёт

часа четыре. Времени вполне достаточно, чтобы рэкету организовать и нанести удар. Сервис и стоянка сообщаются с трассой единственной дорогой метров в сто, которую легко перекрыть.

Сибиряки выбирали-покупали машины три дня, ещё день ушёл на отправку части машин вагоном-сеткой. Так что на пятый день, в воскресенье с утра, все легковушки стояли перед мастерской, готовые через пару часов сняться в дальнюю дорогу. Я уже знал, что сибиряки отказались платить сто баксов. Мол, чего им бояться-то. В группе из одиннадцати человек два штангиста, три борца, у остальных травмы и прочее. В общем, за себя постоять смогут. К ним подходили с увещеваниями и тёрками, но парни стояли на своём: никакой местной блати платить не будут. Они сами крутые, свой регион в кулаке держат. Подготовительная часть прошла, кажется, неплохо, а если учесть, что бунтовщики и других подбивали на неподчинение беспределу, то акция возмездия должна состояться гарантированно.

Всё к встрече готово. Я в операции не участвую, моё место в автобусе ОМОНА. Пять сотрудников собственной безопасности в гражданском среди работников автосервиса. Они и дадут команду к захвату. Думаю, всё произойдет утром, пока большая часть трудового народа отсыпается в выходные. Так сказать, меньше свидетелей. Хотя какие свидетели на этой глухой окраине?

Как долго тянется ожидание. Я уверен, всё случится имен-

но здесь. Ведь многие налётчики могут сюда подтянуться и без транспорта. В общем, что гадать, через час всё выяснится. Сердце замирает от волнения: такую бучу затеял и вдруг напрасно.

В ожидании долго дергаться не пришлось, к стоянке проследовали два больших микроавтобуса (две «Делики» с тонированными окнами). Остальное я видел из кадров видеосъёмки уже после операции. Автобусы остановились в двадцати метрах от машин сибиряков. Из них не спеша выбрались двенадцать человек – в общем-то, маловато. Все в мотоциклетных шлемах, прикрывающих лицо, и с бейсбольными битами в руках. Сложно обороняться от такой «бригады». Но сибиряки не дрогнули, встали цепочкой перед своими «тачками». В руках каждого велосипедная цепь и пистолет-травматик. Что и говорить, они тоже не хило подготовились. А штангисты и борцы просто морально давят своей массой. Не верится, что их может взять та же бейсбольная бита. Две группировки замерли друг перед другом, явно оценивая обстановку. От приехавших отделился один человек, сделал вперед два шага, кинул перегонщикам сумку. Видно, потребовал долю. Минут пять переговариваются. Кажется, не договорились: в руках у нападавших появились пластиковые бутылки с бензином. Сибиряки поняли, какая им гадость уготована, рванули было вперед, на сближение, готовые нейтрализовать эти горящие факелы. Дернулись, но мгновенно остановились, под ноги им ударила авто-

матная очередь. Вот так разборка, на уровне Чикаго! А дальше всё замелькало-запрыгало, омовцы в черных шапочках заполонили пространство; и нападавшие, и сибиряки легли под дулами автоматов. Захват произошёл мгновенно. Круто сработали, что и говорить.

По договору, вся слава отходит службе собственной безопасности, так что в дальнейшем я совсем не при делах и могу спокойно отправляться домой. Тем более, что у меня сегодня встреча с Викой, и мы идем не куда-то в ночной клуб, а в театр. Отец, узнав об этом, только рассмеялся, вот, мол, женщины на что способны. Так и из милиционера культурный человек получится. Мама, как всегда, защищает, типа не такой уж я и олух. Просто времени у меня нет на культурные мероприятия. Папуля ехидно соглашается: конечно, мордобитие дело важное, как и посещение ночных клубов. Я не слушаю их шутливую перебранку в мой адрес, мне надо ещё погладить брюки от костюма. Впереди так много хорошего, что просто захватывает дух.

Время до утра понедельника пролетело просто великолепно. Одетый в костюм, так удачно приобретенный в заграничной командировке, я выглядел просто великолепно. Правда, не решился нацепить галстук. Мне кажется, что в галстук я похож на бизнесмена средней руки, а этого мне как раз и не хочется. Не потому, что я не хочу быть бизнесменом, я не хочу быть похожим на того, кем не являюсь. Бизнесмен со ста рублями в кармане. Ну, может не со ста, это я приплёл для крас-

ного словца, но всё равно в состоянии полной несостоятельности. Один заход в театральный буфет подорвёт мои финансовые возможности. Так что нечего «париться» с этим галстуком. Хотя, от Вики получил лёгкое взыскание из-за отсутствия этой детали. Сказано было тоном супруги, которая отвечает за своего мужа, гордится им, и, наверное, любит. В её голосе я услышал такие нотки, от которых стало на душе тепло и уютно. Очень смелое предположение, но мне кажется, что моя девушка решила выйти за меня замуж. Так что вечер в театре мы провели, как счастливая семейная пара. Все просто пялились на Вику. В светло-голубом платье, облегающем фигурку, она была вне конкуренции. Я ею гордился. Кстати, мне и спектакль «Забывать Герострата» понравился, и театральный буфет, главным достоинством которого было полное отсутствие очереди. Да и какая очередь, цены-то не совсем разумные. Правда, обслуживали быстро и классно. Я взял себе, как обычно, апельсиновый сок, а Виктории кофе и два воздушных пирожных. У меня уже выработалась дурная привычка, когда плачу, начинаю дергаться, вдруг не хватит. А рассчитавшись, сразу начинаю подсчитывать, сколько осталось на завтра, на заправку. Настроение снова хорошее, на завтра я обеспечен двадцатью литрами бензина.

После театра мы целый час гуляли возле ее дома. Вика рассказывала об университете, о том, как ей хочется стать тележурналистом. Я – про Москву, где был совсем недавно и толком ничего не посмотрел, хотя впечатлений хвати-

ло и от того, что увидел. Всё не мог решиться обнять девушку. И только когда понял, что сейчас она скроется за дверью квартиры, привлёк и обнял. И не почувствовав сопротивления, коснулся губами её губ, они ответили мне поцелуем. Через мгновение девушка решительно выскользнула из моих рук. Я влюблен и, кажется, очень. Всё время вспоминаю теплоту её губ, и как не хотелось мне от них отрываться.

А вот в девять утра, едва переступил порог отделения, сразу забыл все внеслужебные события. Во-первых, в дежурке, вместо привычных товарищей сержантов, дежурила следователь Сниткина, тридцатилетняя полнотелая блондинка со всегда нахмуренным и озабоченным лицом. Будто она раскрывает преступление века, и это пока у неё не получается. За всё время работы я не видел её улыбающейся, как и не слышал, чтобы она раскрутила сколько-нибудь значимое дело. В коридоре второго этажа был перехвачен Семенов и вместе с ней через секунду оказался в кабинете начальника отделения. Здесь уже были все опера и следователи. Все, кто в это утро находился в отделении. Мест свободных не было, так что пришлось подпереть спиной стенку. Мы были последними, когда за нами закрылась дверь, товарищ майор начал говорить. Из его краткой речи стало понятно, что на наше отделение свалилась огромная беда. Весь сержантский состав отстранён от службы. Он не смог сказать арестован. Отстранены по линии собственной безопасности. Возможно, скоро к нам прибудет комиссия из Управления.

Что натворили сержанты, нам майор не доложил, но покидать до конца работы отделение запретил. Из кабинета начальника мы перешли в кабинет Надежды Петровны, которая и поведала детали. Наши сержанты и им подобные сбились в банду и крышевали половину города, обложив данью всех, кого можно. И вот буквально вчера они были взяты ОМОНОм на месте преступления. Говорят, даже стрельба была. Всё бы ничего, но это у них не первый эпизод. Сейчас ими занимается прокуратура. Дело будет доведено до конца и возможно станет показательным, так как о нём знает пресса. Надежда Петровна глянула на меня:

– Кстати, вы, молодой человек, занимались бандой в мотоциклетных шлемах?

Все посмотрели на меня. Я взгляда не отвел.

– Я и сейчас ими занимаюсь.

– Это не одно и то же дело?

– Спросите тех, кто брал банду, кто шлемы с их голов сдергивал.

– Там уже есть, кому спрашивать. В общем, занимайтесь пока бумагами, приводите все в порядок. Я думаю, без проверки не обойдется.

Я вышел во двор и позвонил начальнику СБ. Полковник ответил сразу:

– Привет, привет! В курсе происходящего?

– В курсе. Начальник просветил. А это точно, что там все наши сержанты?

– Точнее не бывает. Да не переживай ты, там не только из вашего отделения.

– Да неудобно как-то. Я не думал, что там свои.

– А если бы знал, предупредил бы? Так что ли?

– Не знаю. У меня голова кругом идет. Чувствую себя предателем. Не хочется мне такой славы.

– Ну, этого не гарантирую. Все бумаги в прокуратуре. Пресса вцепилась мертвой хваткой, уж больно массовое явление. Я и в Москву доложил. Так что ничем помочь не могу. От меня уже ничего не зависит. Крепись и мужайся. Со временем к себе заберем.

Вот сука, говорил же без проблем, вся слава им, я не при делах. А теперь крепись и мужайся. А может, всё к лучшему? Повод есть распрощаться с органами. Всё равно не дадут спокойно работать. Какие бы оборотнями они ни были, а всё же свои парни. И работали не на уголовников, свою коммерческую линию вели. Чувствую себя в полном говне. Проявил инициативу... Ведь знал, что в деле менты замешаны, но совсем не думал, что это будут свои. И всё вроде правильно, всё по закону. Вы бомбили, вы знали, чем это может закончиться. А вот на душе премерзко, ведь своих сдал. Предал, и все тут. И этот еще придурок: «К себе заберем!» У них работать, себя не уважать. Ладно, хватит сопли размазывать, решение принято. Ухожу, не моё это. Я человек одной стороны. А коли так, то и буду всю жизнь копейки считать. Добровольно не пойду на контакт с противной стороной.

Прошло всего три дня, а весь город только и говорит о милицейской банде. В круг главных героев я не попал, но в нашем милицейском кругу все знали о моей роли, чуть ли не главной. Моя идея с сибиряками. Многие с ехидцей поздравляли, мол, молодец, своих вычислил. Резонанс от этого дела громадный, так что и выводы по большому начальству будут. Уже многие из них объясняют, откуда у них крутые машины и прочее. Кому понравится отвечать на неудобные вопросы? Так что тучи над моей головой сгущаются, нашли стрелочника. Я уже определён штатным дежурным по отделению и не больше. И, маясь по ночам от безделья, снова начинаю ковырять старые нераскрытые дела. Как всегда останавливаюсь на деле убитой девушки Марины. Оно ещё не отправлено в архив, но им никто не занимается. А я просто чувствую, что разгадка совсем близка, уже на поверхности. Надо только взглянуть на происходящее глазами простого человека, по-житейски, буднично. Но это как раз и не получается. Да и есть у меня на сегодня то, что главнее всех этих уголовных дел. Я живу этим, постоянно созваниваюсь с Викторией. Мы три раза были в кино. А в ближайшую субботу собираемся в ночной клуб. Сердце моё колотится, я весь в нетерпении и уверен, мы вот-вот станем совсем близкими. Сегодня только четверг, до субботы ещё так далеко... И мне все равно: ночной клуб или кинотеатр, лишь бы быть рядом с девушкой. Хотя свои прелести есть и в том, и в этом. В ночном клубе мне нравится танцевать, держать Викторию в сво-

их объятиях. Я просто обмираю от счастья, когда её голова ложится на моё плечо, а моё лицо погружается в её волосы. В кинотеатре – её рука в моей, и она совсем не против, когда я целую её пальчики. Мне неприятно, когда поздними вечерами, маясь от безделья, совсем забываю эту любовную романтику. Ведь стоит пройти на этаж выше, и окажешься в объятиях очень страстной женщины.

Вот и сегодня, когда вернулся домой около двенадцати ночи, не удержался и позвонил соседке. Звучит вульгарно, но любовь любовью, а женщина в постели – это женщина, и мне её хочется. Как всегда, моя постоянная любовница безотказна. Интересно, скажет ли она когда-нибудь нет? В голову лезет совсем глупая мысль: а если с ней заниматься этим сутки подряд, что будет? Устанет и оттолкнёт? У нас как-то был такой момент. Не сутки, конечно, но ночь не спали. Галочка жаловалась на усталость, головокружение и прочее. Но едва почувствовала, что я снова загораюсь, как тут же прерывисто задышала. Руки скользнули вниз, губы стали сухими и жадными, оставляли следы на груди и животе. Я так боялся, что их может увидеть мама. А как она восхитительно быстро достигает желаемого, стонет и извивается, заставляя меня впиваться в неё всё сильнее и сильнее. Удивительно, но когда бы я ни оказался у её двери, она всегда дома, хоть и работает посменно в своей больнице. Сегодня её дочка у бабушки, и моих родителей, кстати, ещё нет. Не надо врать, не надо ничего придумывать. Прямо судьба. Так что

я со спокойной совестью переступаю порог чужой квартиры. Неправа мама, считая всё это развратом. Если моя женщина пожелает изобразить горячие душевные чувства, любовь, я, скорее всего, не смогу от неё оторваться ещё очень долго. И, слава Богу, что я это понимаю, значит, не стану рабом этой женщины. Да и уже Виктория оттесняет любовницу на второй план. Когда я рядом с ней – всё остальное перестает существовать. И я просто мечтаю быть только с ней одной, единственной – девушкой с грузинской фамилией и русыми волосами. Я замираю от счастья и готов смотреть, не отрываясь, в её черные глаза. А вот остаюсь один, и непреодолимое желание толкает к доступному физическому наслаждению.

Галина, или как я её зову наедине, Галчонок, открыла дверь и прошла в комнату, покачивая бедрами, на которых переливается лёгкими волнами шёлковый халатик-кимоно темно-синего цвета. Она устраивается на диване, подобрав под себя ноги. Смотрит так, что я готов мгновенно оказаться у её коленей, прикрытых тонкой материей. Сладко тянется ожидание, пока я мою руки и с кажущейся неторопливостью пью кофе. Женщина смотрит и молчит, я обжигаюсь, тороплюсь, не допив и до половины, перебираюсь поближе к ней. Чуть наклоняюсь, слегка касаюсь губами её тёплых губ, щёк, шеи. Целую в глубокий вырез халата, и женщина прижимает мою голову к груди. Я нахожу губами её маленькие груди. С трудом сдерживаю себя, чтобы не укунить эту нежную прелесть. Галочка медленно откидывается на спинку дива-

на. Мои руки судорожно развязывают поясок кимоно. И когда материя соскальзывает с тела, я отрываю губы от её губ, чтобы увидеть обворожительную наготу, которая вздрагивает под прикосновениями моих пальцев. Со сбившимся дыханием поглаживаю её шелковистый животик, спускаясь всё ниже и ниже. Под нежным напором моих рук она ложится, вытягиваясь в струнку. Медленно-медленно, по миллиметру приближаюсь к такому заветному и прекрасному. Женщина в нетерпении, и едва я касаюсь, она медленно, как бы нехотя, раздвигает ноги, замирает в этой восхитительной позе. Раздеться мне – доля секунды. Вижу её затуманенный взгляд и тоже готов умереть от счастья. Сильно и гибко поддается мне навстречу это желанное тело. Сердце готово выскочить из груди от её легких стонов то ли боли, то ли наслаждения. Я чувствую её всем телом, любовница кусает мои губы. Взрывается, потом ещё раз и ещё, с каждым разом становясь все спокойнее и спокойнее и переводя всё это в ритм спортивной акробатики. Меняемся местами и она, улыбаясь, постоянно облизывая пересохшие губы, восседает, вернее скачет, упиваясь волшебным ритмом любви. Она прекрасна в этот момент. Чтобы продлить удовольствие женщине, закрываю глаза и начинаю считать толчки, чтобы немного отвлечься, чтобы продлить это любовное блаженство. Но любовница очень уж азартно ведёт партию, и я вынужден взять инициативу в свои руки, прерывая всё начинавшийся убыстряться темп. Подруга недовольна, что её остановили, но она понимает,

что это всё делается для неё. Ведь мы очень опытные любовники. Под моими настойчивыми руками она переворачивается на живот. Подтягивает под себя колени, замирая в грациозной стойке. И последующие минуты уматывают нас напроочь. В ванну идем вместе, где всё чуть не начинается снова под бодрящими струйками душа. Но нам этого не надо. У нас впереди ещё вся ночь.

Ужинаем, не зажигая света. Теперь мы можем позволить себе по рюмке коньяка. Возвращаемся на диван, но только с чашечками кофе. И целых два часа просто разговариваем. Галина расспрашивает меня о работе, о личной жизни, есть ли у меня девчонка. А я не хочу говорить с любовницей о Вике. Чувствую себя по отношению к девушке просто мерзким типом. Не добившись от меня ничего интересного, связанного с любовью, женщина сама начинает рассказывать о своих постоянных приключениях, которые сводятся всегда к одному: то коллега (врач) прижал её так, что она уже была готова отдаться, то в троллейбусе студент к ней прижимался, что она чувствовала всё прямо через одежду. Рассказы незамысловатые, скорее всего, придуманные, и все сексуального плана. Нашёптанные мне с широко распахнутыми глазами, с придыханием, они действуют возбуждающе, а постоянные поглаживания и прикосновения усиливают эффект. И совсем скоро приводят к вполне прогнозируемому результату. Мои руки тоже начинают бродить по её телу. Правда, когда касаются самых сокровенных мест, в негодовании от-

талкиваются. Что это, мол, вы позволяете себе, молодой человек? Такая игра длится не долго, от силы десять минут. На дольше нас не хватает.

Раздвигаем диван, застилаем постель, не спеша раздеваемся и уже голые, выпиваем по рюмке коньяка, который помогает нам любить горячо и самозабвенно. Мы уже не задыхаемся, как в первый раз, начинаем спокойно, как многоопытные супруги, которые просто выполняют обычный ритуал. Но ритуал затягивается, и всё заканчивается только в третьем часу ночи. Мы прошли и перепробовали всё, что возможно. Этот этап самый лучший, ведь уже нет любовного голода, когда любовники готовы хоть с кем, хоть кого, лишь бы удовлетворить желание. Второй этап – это занятие сексуальным спортом. Проведение экспериментов, от которых кружится голова и замирает сердце на пике нового наслаждения. Эта женщина – моя первая, и пока единственная. Она на всю жизнь заразила меня любовью к женскому телу, которое я буду любить всегда, буду экспериментировать с ним, разгадывая в нём все новые тайны и загадки. И буду страдать, что не могу быть верным одной, единственной и любимой. Кстати, у меня больше не будет женщины с таким любовным потенциалом. И я всегда буду вспоминать мою первую женщину, мою Галочку.

Все закончено, даже сил нет идти в ванную. Но прежде чем уснуть, я решаюсь проконсультироваться со своей многоопытной подругой, не вдаваясь, конечно, в подробности.

Она умная, она объяснит и расскажет. Она знает всё, что касается любви.

– Галь, у меня проблема. Даже не знаю, что и думать.

– Какие могут быть проблемы у юноши? Не смей меня.

Влюбился, наверное?

– Непонятно мне поведение одной девчонки. Встретился с ней чисто по работе. Она красивая, смотрела на меня свысока. И я, в принципе, ни на что не претендовал. Красавица, тем более, другого социального круга, более высокого. Пообщались пару дней по службе и расстались каждый при своих интересах.

– Просто пообщались или сходили куда: в кафешку, в кино, на дискотеку?

– В ночной клуб один раз, и два раза я ее встречал после учебы.

– И в чем проблема-то?

– Так вот она поделилась со мной информацией, и мы вроде бы расстались. Я, конечно, слегка приударил, намекнул, мол, рад бы ещё встретиться. Она не поддержала эту идею. Понятно, я не её поля ягодка. Мент ей не пара. Ну, не пара, так не пара. Проходит два месяца, и она мне звонит, мы начинаем с ней встречаться. Опять сходили в ночной клуб, пару раз в кино. Не пойму, с чего это у неё интерес ко мне появился, спустя столько времени.

– Все элементарно. Чем вы первый вечер в клубе занимались? Как время провели?

– Ну, чем можно в клубе заниматься? Потанцевали, правда, в основном медленные танцы, мне как-то неудобно скакать и прыгать.

– Ты молодой и такой закомплексованный, совсем не испорченный мальчик. А она, может быть, уже устала от раскованных, которые в первый вечер нороят под юбку залезть. Ты же так не поступал, надеюсь?

– Конечно, нет. У меня такого и в мыслях не было. Я по делу с ней встречался.

– Какой ты глупый! Для женщины самое главное дело – она сама. Её личная жизнь. Ей глубоко плевать на твои проблемы. И что она видит после пары встреч? Симпатичный мальчик совсем не проявляет к ней внимания. Как возможно такое? Как можно за два месяца ни разу не позвонить? В девичьей душе паника. Ею пренебрёг какой-то милиционер. Просто ужас! И она восстанавливает торжество красоты – звонит сама. Конечно, думая, что за это унижение кавалер расплатится сполна, когда полностью будет в её власти. Ты хоть попытку-то сделал её поцеловать, потискать чуток?

– Нет. Но в танце держался очень близко. Пытался ещё ближе, но она не позволила.

– Всё правильно, умная и порядочная девушка этого никогда сразу не позволит. И возможно, у неё другие мысли появились. Подумала на досуге и решила, что лучшего мужа ей не найти. Сказано – сделано, вот она и позвонила объекту, который решила разрабатывать и, в конце концов, привести

его и себя в лоно семейного счастья. Все женщины уверены, что мужчины в этом ничего не смыслят, их надо просто брать и вести к алтарю, как бы они ни сопротивлялись. Я совсем не удивлюсь, если после очередного посещения ночного клуба, её родителей не окажется дома, и вы соприкоснетесь с великим таинством любви и секса. Надеюсь, что не самого крутого, как у нас сегодня. Вот и вся проблема, мой любимый мальчик. Девушка выбрала тебя в мужа, так что гордись. Я вообще-то думаю, что ты совсем не против этого. Права я или нет?

– Может, и права. Знаешь, я интуитивно так и предполагал.

– Вот они, издержки твоей милицейской работы. Скоро забудешь про романтику, все вокруг станут для тебя подзреваемыми и будешь искать в любых отношениях доказательства, намерения и умысел. Изъясняюсь не совсем грамотно, но ты меня понял. Так ведь, милый?

Я не ответил. Нашел губы женщины, которые откликнулись желанием. Успел подумать и прошептать:

– Как я буду без тебя?

– Как-нибудь. Я ведь тоже замужем и не собираюсь ничего менять в своей жизни. Давай лучше унесёмся в мир волшебных прикосновений. Скорее ласкай меня всю.

Её горячие руки заскользили по моему телу. Минуту назад я совсем не думал об этом, а теперь снова был во власти любовницы.

Пятница прошла тихо и скучно. Никто меня никуда не вызывал, не дёргал, не давал никаких заданий. Так что, заняв одно из пустующих мест в кабинете следователей, который раз изучаю дело убитой девушки и её высокопоставленного любовника. Следовательши, маясь от безделья, косятся на меня, но ничего не говорят. Происшествий и преступлений как никогда мало. Все, видимо, готовятся к Новому году. Скоро праздник.

В нашем милицейском коллективе я чувствую себя посторонним. Ущербная мораль у коллег: они с сочувствием относятся к преступникам только потому, что те работали рядом. А то, что они прикрывались милицией в своих личных интересах, кстати, преступных – это ничего. По логике выходит, что этим все здесь грешат. И когда попадутся, то станут требовать к себе послаблений и сочувствия. Ведь свои своих не сдают. Скорее всего, так оно и есть, и мне надо бы по идее прибавиться к сержантам и «мутить» на себя, а не на контору. Сегодня тоже получил бы порцию сочувствия от тех же следовательш. Получается, я только пришел в систему и уже столько напортачил, своей инициативой высвечивая некомпетентность других сотрудников. Хорош об этом, уже проехали. Скорее всего, меня переведут куда-нибудь в другое место, если сам добровольно не уйду. Расследованиями за-

ниматься не дадут. А это мне, как ни странно, стало нравиться. Вот и это дело, которое благополучно спустили на тормозах, забросив в разряд «висяков», хочется довести до конца. А элементарную бытовуху с поножовщиной преподносят как преступление века. Ещё раз внимательно изучив детали, я всё больше уверен, что разгадка лежит на самой поверхности. Если красавчик не врёт, а на это очень даже похоже, то у него пистолетик точно стибрили, не взяв при этом ни денег, ни телефон, ни документы. Один только кожаный бумажник и сотик чего стоят. Значит, тот, кто взял пистолет, не хотел лишнего шума. Рассчитывал, что наркоман спишет пистолет на элементарную потерю и благополучно про него забудет. Ведь экспроприатор не знал, откуда этот «торчок», и какие у него прихваты. Может и разборка накатить, окажись вдруг парнишка из крутой бригады; подтянет братву на поиски своих вещичек. А так всё чисто. Его же обязательно спросят, а почему другое не взяли? Так что новый владелец пистолета поступил очень грамотно. Человек он умный, просчитал свои действия на перспективу. От самого клуба за пареньком никто не следил, кому он нужен. Уж очень мудрено долго ехать за ним ночью, ждать пока он вырубится. А вдруг девушка впустила бы его, тогда что? В общем, эта версия бредовая, и не стоит на ней заострять внимание. Кто-то случайно наткнулся на пьяного молодого человека и просто-напросто обшмонал. Так поступил бы любой русский человек, за малым исключением. Национальная черта нашего народа,

и от этого никуда не деться. По элементарной логике, новый владелец оружия проживает в этом доме или рядом, а может, приходил к кому-то в гости. И, кстати, вырисовывается образ этого человека, не взявшего ни дорогой телефон, ни бумажник, а только ствол. Серьезный человек и решительный. Он понимает в оружии, пистолет ему нужен, и он планировал его применять, а не хранить как сувенир. Всё просто, всё понятно. И ничего не остается, как вновь пройти по всем квартирам, по всем четырем подъездам. Любопытный может проживать в самом дальнем. Не может быть, чтобы никто ничего не видел. У нас в доме восемь подъездов и этажей на четыре больше, а вот мама знает почти всех. По крайней мере, самых ярких жильцов, засветившихся то ли высоким служебным и общественным положением, то ли богатством, а то ли просто непомерным пьянством и блудом. Можно ещё и ещё выдвигать фантастические версии, но без накопленной информации они так и останутся версиями. Надо впрягаться в работу. Планирую начать повторный опрос жильцов с подъезда, где жила убитая. В надежде, что вдруг на этот раз всё же повезет при наименьших усилиях.

Прелесть моего нынешнего положения в том, что меня почти не трогают. Отдежурил сутки и свободен. И на сегодня я могу спокойно подготовиться к субботнему походу в ночной клуб. Я весь в ожидании того самого волнующего и необычного, что нарисовала мне любовница. Сердце замирает в предвкушении – а вдруг всё так и будет. Я очень

желаю, чтобы события развивались по предполагаемому варианту. В ЗАГС я, конечно, не собираюсь, надо пожить, посмотреть. Девочка с детства привыкла повелевать и командовать, а мне совсем не нравится подчиняться. Я и свободной-то ещё не наслаждался после учёбы и спорта. И если я на сегодня вырвался из-под опеки мамы и тренера, то совсем не собираюсь вновь обретать над собой никаких руководителей, пусть даже и очень красивых.

Суббота началась с поездки с мамой на рынок. На обратном пути, недалеко от дома, стало пробуксовывать сцепление, и если не принять срочных мер, то через день-другой я останусь без колёс. Созвонюсь со Славиком Медведевым, проверю, как парень держит слово. Он обещал помощь в любой час дня и ночи. Посмотрим, насколько его слова соответствуют делу. По телефону он только сказал, подъезжай, все решим на месте.

Понятно, почему он был немногословен. В гараже стояло два джипа, у которых крутились человек восемь механиков. Славик объяснил, что у них срочный заказ и вот эти две крутые тачки нужно сделать до вечера. Моей машиной займутся только после шести-семи вечера. И работы с ней, как минимум, часа на три. Меня это не устраивает, слишком поздно. Я не понимаю, как мы доберёмся до клуба и как вернёмся назад. Про такси я почему-то не подумал.

– Слушай, а если я сам ремонтом займусь? Один подъёмник у вас свободный. Раскидаю не спеша, а уже твои спецы

диск наклепают и собрать помогут.

– Без проблем. Занимайся, если ты, конечно, в этом деле рубишь.

– Немного.

– Ну, если что, я всегда рядом, проконтролирую процесс. Главное, спрашивай, если что непонятно.

Приятно заниматься работой, когда есть любой инструмент на выбор. Всё прошло без накладок. К восьми вечера закончили. Пока доехал до дома, пока помылся-побрился, уже пора ехать за Викой. И снова занимаю деньги у родителей. Новый диск сцепления, хоть и без учета работы, съел все мои накопления. Мама возмущается, куда это я трачу такие огромные суммы. Оправдания про ремонт машины она игнорирует. Конечно, пять тысяч рублей – это очень большие деньги, но при условии, если сидеть дома у телевизора. А вот для ночного клуба, с посещением бара, это не пустяк, но и не так много. Да еще на полную заправку надо выкратить. Сегодняшний вечер покажет, что к чему, может, после него и мои затраты на порядок уменьшатся. Вдруг что не так, и девушка снова прекратит общение. Но в это я уже не верю.

Время в клубе прошло очень даже неплохо. Мы танцевали медленные танцы, а когда гремела оглушающая музыка, уходили в бар, где перепробовали слабые коктейли из шампанского, соки, пирожные и кофе. Меня ничто не напрягало, в голове никаких планов, я отдыхал душой и любовался своей спутницей. Так же как и в прошлый раз мы покинули клуб

около двух часов ночи. Тихо рулил по пустым улицам, изредка поглядывая на Викторию, которая откинулась в кресле, прикрыла глаза и делает вид, что дремлет. Мне кажется, что она о чём-то мучительно думает и всё никак не может принять решение. Подъехали к её дому, я не знаю что сказать, что сделать. Вика посмотрела на меня, и я увидел в её глазах страх. Эта девушка и страх – вещи несовместимые. Её пальчики утопают в моих ладонях, прижимаю их к губам, придвигаясь ближе. Между креслами такое большое расстояние и ещё этот рычаг скоростей. Она смотрит мне в глаза и еле слышно шепчет:

– Дома никого нет.

Я всё понял мгновенно, и счастье захлестнуло меня. Выхожу из машины, открываю противоположную дверцу, протягиваю Виктории руку. На минутку мы задержались у подъезда, чтобы поцеловаться, чтобы, наконец, решиться сделать шаг к своей неведомой судьбе, к своему будущему счастью. Почему все это мне кажется таким серьёзным, почти судьбоносным, не знаю, я просто волнуюсь. От страха девушки мне тоже немного тревожно. На третий этаж поднялись в напряженном молчании, так же молча вошли в темную квартиру. Не включали свет и в комнате, где оказались спустя минуту. Я весь замер в предвкушении такого понятного и такого неизвестного и не в силах сдержаться, обнял Викторию. Руки скользнули по ее телу. Она вздрогнула и немного отклонилась. Но через мгновение опять оказалась рядом. Не знаю,

как, но догадался, что я сейчас самый главный и все должен делать сам.

Губы её не отвечали на поцелуи. А после моих прикосновений она сжалась, прижав ладошки к лицу. Спасибо моей многоопытной учительнице любви, которая часто повторяла: «Хочешь получить всё по высшему классу, расслабься сам, успокой женщину, создай ощущение простоты и естественности. Не спеши, дай ей привыкнуть к тебе». Мне сейчас надо убрать этот дурацкий страх, чтобы всё между нами стало простым и понятным. И я огорошил Викторию вопросом:

– Кушать хочется. Не покормишь?

Сразу обстановка таинственности, страхов и ожидания исчезла. Всё стало если и не будничным, то вполне обыденным. Мы идем в ванную мыть руки, потом на кухню, где включаем свет и смотрим друг на друга, будто увиделись в первый раз. Девушка открывает дверцу огромного холодильника и приглашающим жестом показывает, мол, смотри сам, что будешь.

– А выпить есть?

– Это у папы в баре. Что принести? Я в этом ничего не смыслю. Может, шампанское?

Из десятка разноцветных бутылок, заполнивших бар, выбираю коньяк пятнадцатилетней выдержки и бутылку красного шампанского. Этот коньяк, видимо, любит хозяин: одна бутылка пуста на две трети, а в ожидании замерли еще три,

точно такие же. Под коньяк режу лимон, и совсем не потому, что я знаток этого. Просто здравый смысл подсказывает: не закусывать же колбасой, когда планируешь целоваться. Вика шампанское пить не хочет. Но я уговариваю, мол, это нам совсем не повредит. И уверенный, что второй бокал она точно не осилит, плеснул в шампанское щедрую дозу коньяка. Лимонном я закусить не смог. Уж больно кисло. Так что выдавливаю в фужеры часть этого фрукта. Коньяк отличного качества, мягкий и нежный, как бархат. Через минуту чувство радости наполняет меня, и когда фужер Виктории оказывается пуст, я выключаю свет. Я уверен в себе и в девушке. Целую, нежно обняв, легко усаживаю её к себе на колени. Она не сопротивляется, её губы податливо отвечают. Прижимается плотнее, когда кнопки рубашки расстегиваются до пояса. Целую шею и такую маленькую грудь, прекрасную и нежную до умопомрачения. И больше не в силах терпеть, поднимаю девушку на руки и несу в комнату. Это проторенная дорога, так я проделывал со своей любовницей десятки раз. Немного смущает спокойствие девушки, она не сопротивляется, но и не помогает мне ни словом, ни делом. И я не задыхаюсь в приступе страсти, проделываю это всё даже как-то буднично. Откинул покрывало с одеялом, уложил девушку в кровать и тут же стянул с нее джинсы вместе с трусиками. И если бы Вика сейчас этого не захотела, решила оттолкнуть меня, это у неё бы не получилось. У неё просто бы не хватило сил. Я так её хотел... Меня захлестнуло

первобытное желание. Минуту назад просто не ожидал такого. Я хотел эту девушку и знал, что вот сейчас я её получу. Всё это было сильнее меня. Вика вскрикнула очень громко. Я не понял в чём дело, продолжал плавные движения, совсем не понимая, что девушка сжалась от боли. Я получал своё удовольствие, не понимая, что всё пошло совсем не так, и я своей неопытностью делаю ей очень и очень плохо. Виктория замкнулась. Душ её не расслабил, а от рюмки коньяка она отказалась наотрез. Что делать дальше, что говорить, я не знал. Пытался снова обнять и успокоить девушку, но в ответ услышал решительное и злое: «Отстань!» Она лежала в постели, натянув одеяло до подбородка, и совсем не хотела моего присутствия ни рядом с собой, ни здесь, в этой комнате. Ничего не оставалось, как собираться. На прощание Вика попросила захлопнуть входную дверь. Ей не хочется вставать. Я сделал, как она сказала.

Сидя в машине, я ругал себя последними словами и очень жалел, что не курю. Вспоминаю, как расстроенные мужики в кино жадно затягиваются сигаретой. Наверное, помогает. Поднимаясь к себе, даже не подумал про любовницу. Слишком много на сегодня впечатлений, да и на выходные у неё дочка всегда дома, девочка просыпается от малейшего скрипа или стука двери.

На следующий день, перед самым обедом, позвонил Виктории. Через минуту положил трубку. На душе стало совсем муторно, девушка просила ей больше не звонить.

Прошла неделя, и я снова в постели у любовницы. Понимаю, что мой опыт со второй в жизни женщиной оказался неудачным, вернее провальным. И снова моя многоопытная подруга учит меня уму разуму:

– Значит, из девушки женщину сделал. И она, по-твоему, обиделась ни за что? Какой ты ещё зелёный в этом вопросе. Учу, учу, а ты никак не можешь освоить.

– Откуда я знаю ваши женские элементарности. Я не знал, что у неё этого никогда не было.

– Не знаешь, так спрашивать надо. Есть же у кого. Ты мальчик взрослый. Не первый год с женщиной спишь. Пора бы и знать, что с нами надо очень нежно, а не по-солдатски грубо. Тем более, когда ты у девушки первый. Вторгся очень грубо, и в результате женщина почти в болевом шоке.

– Сам уже всё понял. Что мне сейчас-то делать, что предпринять?

– Ничего, любить меня и ждать, пока твоя красавица поправится. А будет в норме, сама позвонит, ей же надо эксперимент до конца довести. Если ты, конечно, отведён на эту роль. Может, тебя планируют шире использовать. В общем, не грузись, за тебя всё решат.

– Какие же вы женщины циничные в отношении друг друга.

– Глупости не городи, при чем тут цинизм. Все через это прошли, у всех было примерно так же. Тебе хочется высокой и чистой любви, как у Ромео и Джульетты, а впереди

сплошная проза жизни, скрытые интересы, в которых сразу и не разберешься. В реальной жизни всё проще и намного жёстче, чем в высоких фантазиях. Неземная любовь быстро испаряется, когда сталкивается с реалиями жизни в виде отсутствия жилья, денег, машины, вкусной еды. Женщина мгновенно меняет привязанности, если не видит радужных перспектив. Ну, может немного потянуть, за неимением лучшего. Я вот мужа никогда не брошу, пока он зарабатывает, в моря ходит. Пока создает мне комфортную жизнь. Вот ты и парень красивый, и трахаться с тобой просто прелесть, но для долгой и счастливой жизни этого мало. Подкрепи это материально, и из любой женщины можешь веревки вить.

Лекция на эту тему продолжалась ещё минут пятнадцать. Слушал вполуха, мне это было совсем неинтересно, я это уже и сам знал. Всё закончилось, как обычно, затяжным повтором. Чтобы притушить недавние воспоминания, влил в себя соточку шустовского. Коньяк продлил любовную работу, домой я вернулся глубокой ночью. Останься я до утра, и точно не вышел бы на работу. Все мышцы болят, как после самой утомительной и тяжелой тренировки.

Поиск информации

В понедельник в моей службе ничего не изменилось, никого я сильно не интересую, а с семнадцати заступаю на ночное дежурство. Дело идет к Новому году, и всем пока не до меня. Так что есть время заняться опросом жильцов, не дают мне покоя лавры знаменитых сыщиков. Решаю сначала пройтись по тем, кого не застал, а уже потом думать о повторном обходе. Одна квартира на первом этаже служебная. Проверил – стоит пустая, ставлю на схеме крестик. Следующая двухкомнатная, в ней семья из трех человек и все, кстати, дома. Мама, папа лет так под пятьдесят и дочка, симпатичная брюнетка, не обратившая на меня никакого внимания. Она студентка выпускного курса. Квартиру купили два года назад, переехали с Севера. Они ничего не видели и не слышали. Да и соседей толком не знают. Так что извините, ничем помочь не можем. Еще один крестик на схеме. По моему разумению, самые потенциальные свидетели должны проживать на первом, ну от силы втором этажах. Все события начинаются оттуда, и обзор из окон самый лучший. Их я опрашиваю как можно тщательнее. В трехкомнатной на втором этаже четвертого подъезда – мама с сыном студентом. Удивительно, но сегодня почти все дома. Женщина довольно молодая и очень привлекательная, если не сказать красивая. К неудовольствию сына, зелёного юнца, яв-

но кокетничает, что мне, конечно, приятно, но в плане информации – полный ноль. Некогда ей по окнам пялиться и с соседями языки чесать. Работы много. Уходит рано, приходит поздно. А что сегодня не на работе, так у неё плановое посещение врача. И улыбнувшись ослепительно, добавляет – гинеколога. Сынуля краснеет, я строю безразличную рожу. От тяжеловатых форм женщины трудно оторвать взгляд. Она просчитала меня мгновенно и, явно издеваясь, просит заходить, не стесняться, даже если не будет служебной надобности. Обещаю, чуть ли не клянусь и поспешно ретируюсь. Сынок возмущен, кипит от негодования и стыда за маму. Придурок и сопляк, такой мамой надо гордиться. Представляю, сколько мужиков по ней сохнет, кто откажется от такой аппетитной женщины.

И в правду понедельник день тяжелый, до вечера на ногах. Осталось обойти всего две квартиры. Но результат нулевой, никто ничего не видел, с соседями почти не контактат, на лавочках возле дома никто не сидит. Но, как ни странно, все знают про женщину с третьего этажа первого подъезда. И рассказывают о ней довольно подробно. Мол, мужа она давно выгнала, имеет очень богатого любовника, в общем, как сыр в масле катается. Одних шуб только три. И евро-ремонт у неё, и мебель импортная, и машина крутая. Когда присутствует зависть, тогда все видят и всё знают. Это говорит об одном: в доме есть человек, не может не быть, который владеет нужной мне информацией. Сегодня же проведу

полный анализ опроса и начну с тех, кто явно попадает под определение «перспективный свидетель».

Прошло три дня, завтра Новый год, я заступаю дежурным. Всё правильно, так и должно быть. И если честно, то я совсем не против. Всё равно никуда не собираюсь на праздники. Всего-то дел – позвонить и поздравить Викторию. Я думаю о ней постоянно, и сил ждать её звонка просто нет. Очень хочу её видеть и не знаю, что для этого надо предпринять. Может, встретить её у дома, когда она пойдет на учёбу? Не знаю прямо. Голова кругом от всего этого.

У нас трое новеньких сержантов, перевели из краевого УВД. Лицами рэкетиров и фигурами качков они напоминают мне моих бывших коллег. Почему я так предвзято отношусь к людям, которых совсем не знаю? Может, оттого, что все мои неприятности связаны с теми сержантами, а может быть, меня напрягает то, что они переведённые? Хороших работников кто отпустит? Наш начальник сразу подстраховался, видно, такие же мысли витают в его голове. Заставил ребят написать заявления об уходе с открытой датой. Так обычно поступают с теми, в ком очень сильно сомневаются. У него, кстати, земля под ногами качается, пригрел же преступников в своём отделении, не вычислил. И в этом я тоже виноват. Дела служебные меня не волнуют, больше расстраивает личная неопределенность. Поговаривают, и не безосновательно, что меня куда-то переведут, а куда – неизвестно. Я уже устал находиться в подвешенном состоянии, хочу опре-

делённости и готов к любому раскладу, даже распрощаться с милицейской службой.

Виктория, вот моя главная проблема. Женщина, о которой я думаю постоянно, и мысли о которой просто забывают все остальные. И любовница не помогает забыть её. Не выдерживаю до завтра и звоню, вопреки советам моей умной подруги. Поздравлю с наступающим праздником. Какая разница, сегодня или завтра. Но 30 декабря – точно не мой день. Девушка спокойно выслушала мои поздравления, спокойно поблагодарила и отвергла попытку встретиться. Говорила таким безразличным тоном, что я когда положил трубку, засомневался, а были ли мы вообще знакомы. Я, наверное, не такой уж и гордый, скорее боязливый, так что вряд ли решусь ещё раз набрать знакомый номер. Меня расстроил не сам отказ встретиться, а безразличие, с каким это всё было произнесено. И если она вдруг позвонит, и мы встретимся, то я признаю, что женщины для меня – тёмный лес, таинственный и непонятный, таящий в своих дебрях, как блаженство с наслаждением, так и смертельную опасность для жизни. Вот и сейчас, после этого звонка мне плохо, ничего не хочется, и весь я из себя разнесчастный и никому ненужный.

Но это было не совсем так. Назавтра, возвращаясь домой после дежурства, я услышал мощный и низкий автосигнал. Меня обогнал массивный «Патрол», совсем новый, весь тонированный. Темно-синяя краска сверкала первозданной

свежестью. Обогнать-то обогнал, но не ушёл вперед, хотя такую возможность имел – дорога впереди свободна. А уже через минуту я понял, мной интересуются люди из этой роскошной машины. Внедорожник чётко держал дистанцию в пять метров. Я не стал ни останавливаться, ни сворачивать на другую улицу. В наплечной кобуре у меня пистолет, который я всё же переложил в карман куртки. Чем чёрт не шутит. Джип понемногу замедляет скорость, притормаживаю и я. Мы остановились, и тут же затренькал мобильник. Знакомый голос предложил побазарить. Не ожидал я такой быстрой встречи. Досылаю патрон в патронник, но оставляю пистолет на предохранителе. Вышел из машины, проявляя элементарную глупость и одновременно мальчишеское безрассудство. Знаю же, кого увижу. А вот во что это мне выльется? Сердце, конечно, ёкнуло в первый момент, когда из машины вывалились четыре наших сержанта. Вернее, уже бывших, урытых, так сказать, при моём непосредственном участии. Парни были слегка поддаты, веселы и жизнерадостны. И совсем не жаждали моей крови. Смеются – хотели проверить, как я веду себя в реально опасной обстановке. Рвани я в сторону, так они бы и не поехали следом. А так почему бы не переговорить с бывшим сослуживцем. У них всё отлично, дело спустили на тормозах, и ни о каком суде не может быть и речи. Система своих не сдаёт. По возможности, конечно. Все непонятки решены полюбовно и деньгами, претензий ни у кого нет. Так что они свободны и богаты, как и прежде

занимаются своим любимым делом. Прикрывают, охраняют и разгружают. Работы такой вал, что только успевай, поворачивайся да денежки подсчитывай. Ко мне претензий нет, ведь я не знал, на кого следствие выведет. Да и сами виноваты, надо умней работать. Они также знают о моих неприятностях, и что мне в отделении не работать. Скорее всего, посадят дежурным на городской пульт, так обычно с очень умными поступают. На вопрос, кому я мешаю в отделении, весело рассмеялись:

– Начальник тебя боится больше, чем всего криминала города. Вдруг ты попутно засветишь его делишки, а они-то очень денежные.

В общем, поговорили. Предложили и мне к ним примкнуть. Они дело стоящее начали. Всё схвачено на самом высоком уровне. Обещаю подумать – чем чёрт не шутит. Кто знает, как завтра жизнь тобой распорядится. Но в душе уверен на все сто, что к криминалу ни за что не примкну. Обменялись телефонами, расстались без претензий друг к другу. Если честно, то я совсем не ожидал такого поворота. Оказывается, этот мир построен на разумности людей. И если ты всё сделал правильно, то и спрос с тебя будет правильный.

Продолжаю опрос, и пока всё впустую. Сердце подсказывает, что нужный свидетель всплывет именно тогда, когда я все квартиры по второму разу перелопачу. Но опрос опросом, он когда-то закончится, и результат будет все равно. Отрицательный результат – тоже результат. Главное, по-

нять суть этого преступления и выстроить железную версию, чтобы не тыкаться вслепую. Думаю над этим день-деньской и постепенно склоняюсь к самому простому выводу, лежащему на поверхности – до другого додуматься пока не могу. Скорее всего, девчонку убили из-за ревности. Её высокопоставленный любовник тут ни при чём, за компанию отбыл на тот свет. Но все её связи подняты, мало-мальски знакомые с ней не прошли мимо следствия. А может, все же один, самый главный, прорвался, остался незамеченным. И нельзя сбрасывать со счетов мимолетную связь, так сказать, разовую. Понравился, например, парень, в автобусе познакомились. Встретились разок и разбежались. Эту практику звёзды шоу бизнеса очень рекламируют. Марина была девушкой современной, и такое её поведение вполне реально. Для неё это может быть обычное дело, а для парня трагедия, если он к тому же немного неадекватен. А кто адекватен, когда влюблен? Да и без любви у нас ненормальных, хоть отбавляй. А тех, кто находится в пограничном состоянии, чуть ли не половина. Какая страна, такой и народ. Любой толчок может столкнуть неуравновешенного человека в пропасть, толкнуть на чёрт знает какие действия. Парень пришёл к девушке, как ему казалось, любимой. А его и в дом-то не пустили. А тут ещё в подъезде какая-то пьянь валяется, а может даже конкурент. А в девяноста девяти случаев из ста пьяного наши люди шмонают, это аксиома. Наткнулся на пистолет – и сразу план мести возник, тут уже ни до денег, ни до про-

чего барахла. Всё выглядит правдоподобно. Надо заканчивать опрос, ничего более реального в наличии нет. Человек сознательно пошёл на двойное убийство. Кто он? Зачем это сделал? И самое главное, как его вычислить? В наличии одни вопросы, на которые нет ответов, и что самое обидное, их может и не быть. Ведь дело благополучно переключалось в разряд всяков. А я им занимаюсь из чисто спортивного интереса.

Читая закрытую милицейскую сводку, просто поражаюсь, сколько преступлений остается нераскрытыми. Непонятно, почему государство терпит это, не создавая единую следственную службу, слухи о которой витают в воздухе уже не один и не два года. По моему разумению, всё это тормозят посредственности, для которых отсвечивать на фоне талантов – смерти подобно. Вот и выражаться начал высокопарно, себя в таланты произвёл. Может, я тоже не совсем адекватен?

Время бежит, уже середина января, вернулся из рейса муж моей любовницы. Два раза встречался с этой милой парой в подъезде, здоровался, и поспешно проходил. Подруга не поднимала глаз, прямо вся из себя скромница. И я уже не верю, что мы совсем недавно кувыркались в постели. И никто не поверит, что такая интеллигентная и порядочная женщина может изменять мужу, так все благопристойно в её внешности и поведении. И сколько ещё раз в жизни мне придётся сталкиваться с женской ложью и верить ей. Ведь они

в тот момент сами, кажется, в неё свято верят. И что самое поразительное – многие мужики верят, а может, просто хотят верить, хотя факты просто кричат об обратном. На сегодня это не моего ума дело. Вот женюсь, тогда и буду этим заморачиваться. А пока не могу разобраться со своей девушкой, которая, может быть, уже и не моя. Эта простая мысль меня пугает. А вдруг она вообще никогда не позвонит, что тогда? Не сможет побороть свою гордость, первой набрать телефонный номер. И я, как придурок, всё буду ждать у моря погоды. Я же ещё совсем не уверен, что получил полную отставку. Время бежит быстро, говорят, оно лечит, и всё может измениться. Легкий страх подталкивает к действию. Откажет – ну и что? Не буду хоть терзаться надеждой. Сегодня суббота, и есть повод для звонка, приглашу её в ночной клуб. Я, кстати, при деньгах, получил зарплату. Виктория ответила, когда готов был вмешаться голос оператора.

– Слушаю, Николай, – сердце замирает от радости: она ответила, хотя, наверное, очень сильно сомневалась, а стоит ли.

– Рад слышать твой голос. Может, сегодня в ночной клуб сходим?

Надо ещё что-то сказать, а я молчу, боюсь услышать: «Нет!». Мгновения летят, неужели на этом всё и закончится? Но нет, девушка начинает говорить, а это уже победа, я скоро буду прощен. Виктория жалуется, что подходит сессия, она сдаёт зачеты. И вообще, учебы столько навалилось,

что просто нет свободной минутки, ни о каком ночном клубе не может быть и речи. Вот сегодня у неё семинар, и она не просто должна присутствовать, а выступить с докладом. Она как раз и готовит своё выступление. Говорю, что понимаю её, у самой работы много, но если она надумает, я всё брошу и подъеду в любой момент.

– Я сегодня и завтра свободен, может отвезти куда, или встретить?

Виктория отказывается. Я отключаюсь, и тут же практическая мысль посещает мою голову. Удивительно, как я быстро перестроился и уже почти выкинул из головы недавний звонок. Впереди два воскресных дня, за которые я могу встретиться с жильцами, отсутствующими в рабочие дни. И осталось-то перспективных квартир всего ничего. В нужном мне подъезде – двухкомнатная на четвертом этаже и в соседнем – трёхкомнатная на пятом. Трёхкомнатная представляет для меня большой интерес: там проживает одна бабушка. Правда, она в основном у сына, на другом конце города. У меня надежда именно на пожилых, на их пристальное внимание и интерес к чужой жизни. Все хотят, чтобы было, как у людей. Вот и присматриваются к соседям. А к кому же ещё? Где живут, там и смотрят. Молодежи некогда этим заниматься, есть дела и поважнее. Интересно, а если начальство узнает о моей самодеятельности, что будет? Мне кажется, что не похвалят, если даже будет реальный результат. Про раскрытие не говорю даже мысленно, чтобы не сглазить. Скажут, навер-

ное, что опять себя коллективу противопоставляю, самым умным хочу быть. Все это крутится в моей голове, пока качу к злополучной пятиэтажке под номером 63.

Мне повезло, старушка была дома. Кстати, она не такая и старая, а очень даже деятельная, совсем не типичный представитель своего поколения. Чужой жизнью не интересуется, не собирает и не распространяет сплетни. Со своими бы, мол, проблемами разобраться, не то, что с чужими. Да и живёт она в основном у сына, возится с внуком и внучкой; в этой квартире бывает только по выходным, чтобы немного отдышаться от беспокойного хозяйства. И по убийству девушки ничего сказать не может. Она не знала её вообще. Накрылся ещё один перспективный свидетель.

После неудачи с бабушкой настроение чуток упало. Опять вспомнилась Виктория. Так захотелось её увидеть, что готов бросить всё и ехать в университет на непонятный семинар. И понимаю, что я на такой подвиг не способен. С вопиющей нерешительностью с моей стороны, девушка легко может достаться другому. Свято место пусто не бывает, так кажется говорят. Об этом даже страшно подумать. Наверное, я не боец в этом вопросе. И почему-то я постоянно успокаиваю себя мыслью: что ни делается – всё к лучшему. И если эта девушка не предназначена мне судьбой, то так оно и будет. Жильца из двухкомнатной квартиры нет дома. Ждать я его не собираюсь и уезжаю домой.

На службе пытаюсь отбояриться от очередного дежурства

и на замечание, что всё равно ничего не делаю, просто взрываюсь. Слабые нервы в моем возрасте – это очень большой минус. Надо что-то с этим делать.

Надежда Петровна, услышав то, что никто никогда не высказывал вслух, пошла красными пятнами. На лице её было выражение человека, увидевшего перед собой змея ядовитого. Она только моргала, выслушивая мой обвинительный монолог, в котором я помянул бездарную работу нашего отделения, где люди занимаются чем угодно, кроме работы.

– У нас не отделение милиции, а мини-бизнес для личного состава.

– На что ты намекаешь? – начальница снова обрела уверенность и командирский тон.

– Какие там намеки? Можно подумать, вы сами ничего не знаете, первый день на работе. Личный состав уже наполовину поменялся, и не по собственному желанию.

– Всё, свободен! Жди у следователей моих распоряжений, Пуаро хренов, – с ненавистью выкрикнула начальница.

Я поплелся к следователям, вернее к следачкам. Ещё больше уверенный, что моя работа в этом отделения приблизилась к концу. Нетрудно догадаться, что через минуту Надежда Петровна окажется у начальника, где красочно доложит, какую змею они пригрели на груди.

Не знаю, о чём они совещались, но через час я был снова вызван к начальнику следственного отдела, где мне было суровым тоном приказано продолжать расследование о двой-

ном убийстве. Неисповедимы пути твои, Господи. Чудеса, да и только. А для начала я должен составить полный отчёт по этому делу. Включить туда все наработки, версии и самые мелкие детали. Этот отчёт и угробил мой рабочий день. Просидел за компьютером почти до шести вечера и благополучно не включил в серьёзную бумагу треть квартир, в которых я якобы ещё не появился. Надежда Петровна, как ни странно, работу мою одобрила, правда молча. Ведь не сказала ни слова, что сделано до безобразия мало и непрофессионально. Хотя, если судить непредвзято, то и в правду проделана приличная работа, и чистого вранья в отчёте всего-то четвёртая часть. Потом было почти материнское благословение продолжать в том же духе, но, правда в составе другой оперативной группы и совсем другого ведомства. С утра я вместе со своим отчётом отправлюсь в управление ФСБ, в кабинет №31. В общем, я откомандировываюсь в их распоряжение. Поехал домой, не переставая удивляться такому повороту дела.

Утром, поднимаясь по широкой лестнице на третий этаж чекистской конторы, совсем не верил, что смогу пригодиться этому ведомству. Чувствую себя, как в храме, маленьким и ничтожным на фоне мягких ковровых дорожек, совсем не вытертых, свежего евроремонта и всей этой монументальности старинного здания. А вот кабинет №31 оказался очень даже похожим на наш кабинет следователей: такой же узкий и темный, правда, с очень высоким потолком. И стол стоял

в этом кабинете всего один, с компьютером с жидкокристаллическим монитором, наверное, на пятьдесят дюймов. Всё свободное пространство занимали шкафы. То ли кабинет, то ли хранилище документов. Молодой парень, не на много старше меня, восседал за столом, внимательно уставившись в это чудо компьютерной техники. Мы познакомились, чекиста зовут Костей, он так же как и я опер, и на данный момент дело о двойном убийстве на нём. Начальника из себя не корчит, по-простому просит поделиться информацией и работками. Я не собираюсь быть в роли услужливого подчиненного. Располагаюсь удобно в офисном кресле на колесиках, передаю отчет.

– На, читай. Это все, что у меня есть. Можно бы и больше нагрести, как минимум, опрос жильцов закончить, но не получилось. Начальство на какую-то хренотень постоянно отвлекало.

Костя углубился в чтение, а я, расклинив кресло, чтобы не каталось, пытаюсь решить очень важный вопрос, что для меня лично значит вот это сотрудничество. Склоняюсь к мысли, что всё же плюс. И думаю, что и дальше продолжу опрашивать жильцов. В отчёте я указал: «Повторно не обошел треть квартир». Не знаю, какие темпы у чекистов, но три свободных дня у меня будут железно. Я не собираюсь колоться, что у меня осталась неохваченной всего одна квартира. А с другой стороны, это и не так важно. Если не будет результата, всё равно придётся выборочно проверять часть

жильцов. Хотя чего мне париться по этому поводу, у меня новое начальство, оно решит, что делать и как.

Оторвавшись от бумаг, парень тоном заправского начальника спросил:

– Что дальше думаешь предпринять?

– Для начала, закончить опрос и проанализировать результат.

– А ещё дальше?

– А ещё дальше не моя проблема. Начальства сверху много, вот пусть и думают, нечего штаны зря протирать.

– Это, надеюсь, не ко мне относится? – парень изобразил на лице подобие улыбочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.